

**АрТ
е
факт
детектив**

Следы Чаши Грааля утеряны
еще во времена Средневековья,
но Орден Тамплиеров по-прежнему
ищет ее и не остановится ни
перед чем, пока не найдет...

НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВА

Хранитель Чаши Грааля

Артефакт & Детектив

Наталья Александрова
Хранитель Чаши Грааля

«Автор»

2008

Александрова Н. Н.

Хранитель Чаши Грааля / Н. Н. Александрова — «Автор»,
2008 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-699-31712-7

Реставратор с мировым именем Дмитрий Старыгин по зашифрованным указаниям своего испанского коллеги Педро Мендеса находит Книгу Тайн. Записи древнего фолианта может прочесть лишь избранный, независимо от того, на каком языке говорит. Вместе с ученицей Мендеса Марией – девушкой с золотыми глазами – Дмитрий начинает поиски древнейшего артефакта, описанного в Книге Тайн, – Чаши Грааля, дающей исключительное могущество своему владельцу. Однако на пути Старыгина встает потомок половецких ханов, жаждущий завладеть ею, а значит, и всем миром. Отравив Марию смертельным ядом, он требует найти Чашу в обмен на противоядие... Книга также вышла под другим названием: «Дар бессмертия».

ISBN 978-5-699-31712-7

© Александрова Н. Н., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Часть I	7
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Наталья Александрова

Хранитель Чаши Грааля

Смуглый темноволосый мужчина поставил точку и поднял взгляд от своего рабочего стола. В комнате было тепло и уютно, в камине потрескивали поленья, огонь отбрасывал на бревенчатые стены живые красноватые отсветы. Но за окном его шале бушевала буря, выл ветер, словно души грешников, терзаемых демонами в ледяном аду. И эти тоскливые завывания, эта снежная буря как нельзя больше соответствовали тому, что творилось сейчас в душе этого человека. То, что открылось ему в последние дни, совершенно переворачивало его представления о жизни, о мире, о самом себе.

Эта уютная комната, вся его налаженная, обустроенная жизнь оказались не больше чем картонными декорациями, картонным домиком, готовым рухнуть от самого легкого ветерка, а не то что от страшной бури, вершащей свою власть над горами Сьерра-Невады. Картонные декорации, за которыми таится страшная, грандиозная правда...

Страшная – но и величественная. Грозящая катаклизмами – но и раздвигающая горизонты жизни всего человечества.

В камине громко треснуло полено, и мужчина очнулся от своих мыслей. Как бы то ни было, жизнь продолжается, и он многое должен сделать в ближайшие дни, как только утихомирится метель и он сможет покинуть свое горное жилище. Открывшаяся перед ним истина ко многому обязывает.

Сквозь вой ветра за окнами шале ему послышался другой звук. Кажется, это был звук автомобильного мотора... Кто мог приехать к нему в такую погоду? Кто мог решиться в сильную метель преодолеть горную дорогу, опасную даже в обычное время? Кому могло прийти в голову нарушить его уединение?

Должно быть, ему послышалось...

Но вот он отчетливо расслышал шаги на крыльце и громкий стук в дверь.

Значит, к нему действительно пожаловали гости.

В другое время он был бы рад гостям, добравшимся до его шале. Рад был бы даже поводу ненадолго оторваться от работы, выпить стаканчик горячего грога или бокал хереса, поговорить о приятных пустяках вроде политики или футбола, но сейчас, после того, что ему удалось узнать, настроение не слишком подходило для гостеприимства.

Тем не менее положение обязывало соблюсти приличия – не мог же он оставить визитера в такую метель на улице.

Мужчина поднялся, подошел к порогу, отодвинул кованую задвижку и открыл дверь.

Сразу же метель ворвалась в его жилище, облепила лицо сырыми колкими хлопьями, словно напялила на него шутовскую маску. Мужчина сделал шаг вперед, чтобы разглядеть гостя, явившегося к нему под покровом снежной бури.

Тот стоял всего в двух шагах, но даже на таком расстоянии его с трудом можно было разглядеть сквозь снежную завесу.

– Заходите! – проговорил хозяин, стараясь перекрыть свирепый вой метели.

Снежная завеса на какое-то мгновение истончилась, сделалась чуть прозрачнее, словно метель утомилась от собственного буйства и решила сделать передышку. Хозяин шале увидел своего странного гостя. Это был мужчина лет шестидесяти, однако его крепкая приземистая фигура дышала силой и уверенностью. Невозмутимое лицо с высокими скулами и узкими прорезями глаз определенно говорило о его восточном происхождении.

Чуть в стороне от крыльца стояла машина, на которой приехал незнакомец, – большой черный джип с залепленными снегом номерами.

– Заходите! – повторил хозяин, чуть посторонившись, освобождая гостю дверной проем. – Заходите, не стоять же нам на улице в такую ужасную погоду!

– Благодарю вас, – ответил гость с каким-то едва уловимым акцентом. – Благодарю вас за гостеприимство, однако я не один...

– Что с того, – хозяин вежливо улыбнулся. – Вряд ли в вашем джипе поместился весь лондонский симфонический оркестр, а для трех-четырех человек мой дом достаточно просторен.

– Нас только двое! – ответил гость странным, словно извиняющимся тоном и, повернувшись к джипу, позвал: – Нимрод!

И тут же в глазах хозяина шале потемнело.

Ему показалось, что страшная изнанка жизни, о которой он узнал совсем недавно, вырвалась наружу, разрывая и сметая ее благополучные покровы.

Из джипа вырвалось что-то немыслимое.

Зверь? Человек? Адское создание?

Наверное, все-таки зверь...

Гибкое и массивное тело, одновременно подвижное и бесформенное, в два прыжка пересекло заснеженное пространство, отделяющее джип от шале, и взлетело на крыльцо. Огромные когтистые лапы толкнули хозяина шале в грудь, отбросив его внутрь дома. Мужчина упал на спину, пытаясь заслониться от нависшей над ним пасти, от чудовища, словно вынырнувшего из ночных кошмаров или из адских фантазий Иеронима Босха. Но это было бесполезно. Круглые глаза чудовища горели адским огнем, пасть распахнулась, обнажив кривые желтые клыки...

Мужчина провалился во тьму, в страшную тьму, из которой нет возврата.

Часть I

Ронда

Старыгин вышел на террасу отеля «Андалусия» и облокотился о парапет. Отсюда открывался восхитительный вид на порт Малаги. Бледно-голубое море было спокойно. Казалось, оно охвачено тем легким, внезапным дневным сном, в который соскальзываешь незаметно и плавно, сном без сновидений. Легкие волны отливали старым серебром и живым перламутром. От дальнего мола медленно отходил белоснежный круизный лайнер. Старыгин вдохнул полной грудью неповторимую смесь ароматов – южного моря, влажной земли, многочисленных экзотических растений, высаженных вдоль набережной, – неповторимую смесь ароматов восточных пряностей и дальних странствий.

Конец апреля, подумал Старыгин, солнце греет, как у нас в России жарким летом, но избалованные испанцы считают, что лето еще не наступило, и одеты тепло – в пиджаки и куртки.

Вода в море и правда холодновата, но Старыгин приехал в Малагу не отдыхать, а работать.

Два дня назад в отеле открылась конференция «Новые тенденции современной реставрации», и, разумеется, Дмитрий Алексеевич Старыгин, крупнейший реставратор с мировым именем, не был обойден приглашением. Доклада в этот раз он не привез, просто было интересно послушать, что нового появилось в этой области за последнее время, пообщаться с коллегами.

Рядом со Старыгиным остановился официант с подносом, уставленным коктейлями.

– Не хотите ли выпить, сеньор?

Старыгин кивнул, взял треугольный бокал с присыпанными солью краями – классическую «Маргариту». Сделал глоток. Вкус коктейля показался ему необычным – в терпком горьковатом букете напитка возникла какая-то странная нота, волнующая и беспокойная. Старыгин глотнул еще немного, пытаясь понять, что именно напоминает ему этот вкус, – и вдруг все вокруг него удивительным образом изменилось. Весь мир задрожал и заколебался, как дрожит и колеблется воздух над разогретым асфальтом. Спокойное море качнулось и встало стеной, словно собираясь обрушиться на вечерний город. Лица людей вокруг Старыгина то вытягивались, то самым смешным образом искажались, как в кривом зеркале. И запахи... те запахи, которые только что казались ему восхитительными, теперь мучительно его раздражали. Казалось, весенний вечер пропитался ароматом гнили и разложения.

Дмитрий Алексеевич ухватился за балюстраду. Ему померещилось, что земля уходит из-под ног.

«Что это со мной? – подумал он. – Неужели все дело в коктейле?»

Он закрыл глаза, сосчитал до десяти, стараясь выровнять дыхание, и поднял веки. Похоже, мир пришел в порядок, только лица людей выглядели как-то непривычно.

– Дмитрий! – послышался сзади негромкий голос. – Как я рад, что нашел вас здесь!

Старыгин незаметно вздохнул – сейчас начнутся долгие разговоры, а он-то хотел постоять спокойно, любуясь морем. Однако когда он увидел окликнувшего его человека, на губах Дмитрия Алексеевича заиграла искренняя, радостная улыбка.

– Педро! Как же давно мы не виделись!

Педро Гарсия Мендес – коллега, реставратор из мадридского музея Прадо, они знакомы очень давно и стали бы друзьями, если бы не традиционная сдержанность и чопорность испанцев. Все эти качества имелись у Педро в достаточном количестве. И выглядел он как истинный

кастильский кабальеро – черные волосы, сверкающие темные глаза, острая бородка... Не хватало только черного камзола и шпаги.

Старыгин снова почувствовал легкое головокружение, и лицо Педро на мгновение показалось ему совершенно незнакомым. Он зажмурился, снова открыл глаза... да нет, все в порядке, собеседник не заметил этого короткого приступа дурноты.

Русские при встрече жмут друг другу руки, итальянцы обнимаются и вообще бурно и шумно выражают свою радость, французы своих друзей обоего пола обязательно расцеловывают в обе щеки, а испанцы предпочитают выражать свой восторг словами. Старыгин вовремя вспомнил об этом и удержался от резких движений.

– Я не знал, что вы тоже здесь... – Старыгин сказал это по-испански, потом со смехом махнул рукой и перешел на английский.

Специальностью Дмитрия Алексеевича была итальянская живопись эпохи Возрождения, посему он прекрасно говорил по-итальянски, легко читал латинские трактаты и манускрипты, прилично владел английским, как всякий много путешествующий по миру человек, но вот испанский знал плохо.

– Я рад, – повторил Педро, также переходя на английский. – Дмитрий, я бы хотел поговорить с вами и кое-что показать. Кое-что чрезвычайно важное. Но разговор долгий и серьезный, здесь не время и не место.

– С удовольствием встречусь с вами в неформальной обстановке! – рассмеялся Старыгин. – Давненько мы не посещали с вами никаких значных мест!

Он вспомнил, как лет пять тому назад они встретились в Севилье и провели там три восхитительных дня. Педро водил его по узким улочкам старого города, где каждый балкон закрыт сплошной кованой решеткой (чтобы молодая сеньорита могла только переглядываться с кабальеро и ничего больше, как, смеясь, пояснил Педро), где каждый дворик уставлен цветами в горшках, где крошечные площади, закрытые со всех сторон домами с широкими террасами, выглядят так уютно, по-домашнему, как будто это и не площади вовсе, а патио, внутренние дворики традиционных испанских домов.

Они с Педро обедали в маленьких тавернах, где обязательно на видном месте висел портрет Христофора Колумба, пили восхитительный кофе на площади, напротив здания архива Обеих Индий, слушали длинноволосых уличных гитаристов, которые, все без исключения, исполняли Аранхуэзский концерт...

Неужели прошло уже пять лет? А кажется, что это было только вчера.

Тут Старыгин заметил, что Педро выглядит не лучшим образом. То есть он был по-прежнему аккуратен в одежде, и глаза его блестели ярко, но где-то в глубине этих глаз прятались забота и настороженность. Дмитрий Алексеевич взгляделся в старинного знакомого внимательным профессиональным взглядом и понял, что ему не до общих романтических воспоминаний.

– Что-то случилось? – он понизил голос и посерьезнел. – Я могу чем-то помочь?

– Я бы хотел посоветоваться с вами, Дмитрий. Это довольно срочно. Сделаем так: завтра я буду ждать вас в десять утра у замка Гибральфаро, на площадке перед входом в замок.

Старыгин поднял брови. Гибральфаро – старинный замок, построенный еще маврами. Подняться туда можно только пешком, гора высока, ступени крутые. Отчего нельзя встретиться где-нибудь в городе и спокойно поговорить за бокалом вина?

Дмитрий Алексеевич тут же на себя рассердился. Неужели он стал настолько старым и ленивым, что ему трудно лишний раз подняться на гору? Всею виной – кабинетная работа. Он и выбрал в свое время поприще реставратора, чтобы не нервничать, никуда не спешить, тихонько трудиться в тиши мастерской. А отдыхать он любит с книжкой и под пледом, в обществе своего любимого кота Василия. Кот такой же сибарит, как и хозяин.

И от такой жизни, грустно констатировал Старыгин, у него появились некоторые отложения в области брюшного пресса и на боках. Да и странные приступы дурноты, вроде того, что случился с ним минуту назад... Все, конечно, еще можно остановить, если больше двигаться и есть меньше сладкого. Он, как все некурящие мужчины, равнодушен к пирожным и конфетам. Кстати, здесь, в отеле, вполне неплохой повар, который готовит изумительные десерты.

«Стоп! – рассердился на самого себя Дмитрий Алексеевич. – Пора менять образ жизни».

– Я приду, – улыбнулся он Педро, – завтра в десять, я обязательно приду.

С моря раздался гудок – это в порт входил круизный лайнер.

– Как хорошо в Андалусии весной! – сказал Старыгин, вдоволь налюбовавшись на корабль и поворачиваясь к своему собеседнику.

Никто ему не ответил. Терраса была пуста.

И только после следующего доклада и прений Старыгин вспомнил, что завтра в десять утра он приглашен на завтрак с итальянскими коллегами. Завтрак обещал быть интересным – Старыгин вообще по долгу службы и по сердечной склонности тяготел ко всему итальянскому – архитектуре, живописи, пицце и певцу Адриано Челентано, а тут еще можно было поговорить в неформальном кругу, узнать все последние неофициальные новости.

– Ах, как неудачно! – сказал Дмитрий себе тихонько. – Нужно предупредить Педро и перенести встречу.

В зале испанца не было, нигде не мелькали яркие темные глаза и остроконечная борода. В ресторане отеля Педро тоже отсутствовал.

– Простите, – обратился Дмитрий Алексеевич к портье, тщательно подбирая испанские слова. – Не могу ли я узнать, в каком номере остановился сеньор Педро Гарсия Мендес?

– Прошу прощения, сеньор, – ответил портье, заглянув в экран компьютера, – господин с таким именем в нашем отеле не останавливался.

Старыгин не стал упрекать портье в нерадивости и уверять, что только что видел вышеупомянутого сеньора с бейджем члена конференции. Он пожал плечами и справился у секретаря. Сеньор Мендес в списках участников конференции не числился. И снова Старыгина что-то удержало от немедленного громкого разбирательства.

– Дмитрий, что-то случилось? – подошел к нему один из организаторов конференции – благообразный испанец с завязанными в пучок длинными седыми волосами.

– Не знаете ли вы что-нибудь о Педро Гарсии Мендосе? Он здесь?

– Как, разве вы не в курсе? – удивился седовласый. – Мендес погиб в конце зимы.

– Как? – удивился Старыгин. – Не может быть!

– У него был дом в горах Сьерра-Невады, Педро любил там работать. Он был холост, вы же знаете, и предпочитал жить один. Ну и вот... кажется, несчастный случай...

– Отчего же он умер, сердце? – после некоторых колебаний спросил Дмитрий Алексеевич.

– Кажется... – седовласый отвел глаза, – его нашли не так скоро, трудно было установить причину смерти... впрочем, я не знаю подробностей.

Старыгин поскорее распрощался, зашел в бар отеля, где взял себе коктейль под названием «Каталонский крем», и надолго задумался.

Если допустить, что портье и седовласый организатор конференции не врут, а так оно и есть на самом деле, то получается, что Старыгин на террасе отеля встретился и разговаривал с призраком? Или же у него наступило временное, если можно так выразиться, дискретное помрачение рассудка – он видит умерших людей, слышит голоса и так далее.

Если такая странная история случилось бы с Дмитрием Алексеевичем года полтора тому назад, он бы, пожалуй, всерьез озаботился собственным здоровьем – к врачам обратился, вита-

мины попил, в санаторий съездил. Впрочем, с санаторием возникли бы проблемы, то есть не с санаторием, а с котом Василием.

Кот не любил долго оставаться один на попечении старушки-соседки. Василий ее признавал, даже аппетита не терял, но страдал в одиночестве.

Однако с некоторых пор с Дмитрием Алексеевичем Старыгиным – скромным мужчиной средних лет – начали происходить странные истории. Началось все в прошлом году, когда из Эрмитажа пропал бесценный экспонат – «Мадонна Литта» работы гениального Леонардо да Винчи. И Старыгин (без его на то желания) оказался замешанным в преступлении. Волей-неволей ему пришлось заняться расследованием...¹

Подобные истории повторялись с завидной последовательностью, расследование различных дел требовало присутствия Дмитрия Алексеевича в разных странах и континентах, так что кот Василий был очень и очень недоволен.

И что самое странное – такое времяпрепровождение ничуть не утомляло Старыгина, напротив, ему очень нравились опасные, головокружительные приключения и риск.

Не иначе как в славном роду Старыгиных, среди многочисленных докторов, юристов и профессоров, то есть среди представителей спокойных респектабельных профессий, затесалось несколько авантюристов и любителей приключений.

Может быть, кто-то из них плыл с князем Олегом по пути «из варяг в греки», вероятно, кто-то с Ермаком покорял Сибирь или с Амундсеном – Северный полюс. А может, беспокойный ген попал в его кровь более извилистыми путями – например, когда дальний предок Старыгина искал с конкистадорами Кортеса золотой город инков или, как знать, завоевывал Индию с воинами Александра Македонского?

Так или иначе Дмитрий Алексеевич и не пытался сопротивляться зову крови и отважно шел навстречу приключениям.

Так и в данном случае: он решил извиниться перед итальянскими коллегами, с утра пораньше выпить чашку кофе и посетить замок Гибральфаро. Если никто не придет на встречу – тоже неплохо: во время подъема на гору он сбросит пару килограммов.

На следующее утро, сразу после завтрака, Старыгин вышел на приморский бульвар и зашагал в сторону порта и возвышавшейся над ним громады мавританского замка Гибральфаро. Возле входа в гостиницу он едва не столкнулся с крепким приземистым мужчиной лет шестидесяти. Его невозмутимое восточное лицо с высокими скулами и узкими щелочками глаз показалось Дмитрию Алексеевичу смутно знакомым. Старыгин извинился и продолжил путь. Незнакомец не ответил, но проводил реставратора долгим внимательным взглядом.

Сразу за роскошным зданием мэрии Дмитрий Алексеевич свернул от моря налево и двинулся по дорожке, круто забиравшей вверх.

Утренний воздух был свеж и прохладен, в нем смешивались ароматы молодой зелени и цветов. Над дорожкой склонялись ветви огромных фикусов, свешивались гроздья глицинии и яркие соцветья бугенвиллей.

Старыгин, широко шагая, обошел группу туристов. Это были соотечественники – в шортах и ярких майках, они громко обсуждали окружающие их красоты, щелкали фотоаппаратами. После российских холодов испанский апрель, прохладный для местных жителей, казался им настоящим летним месяцем. Экскурсовод, подняв над головой приметный яркий жезл сложенного зонта, чтобы не растерять свою паству, громким, хорошо поставленным голосом вещал:

– Замок Гибральфаро построен маврами в двенадцатом веке... Гибральфаро по-арабски значит – «маяк на скале», таково же происхождение слова «Гибралтар»... во время реконкисты

---

¹ Читайте об этом в романе Н. Александровой «Ад да Винчи», издательство «Эксмо».

мавры, защищавшие Гибральфаро, оказали христианским воинам ожесточенное сопротивление... с площадки перед замком открывается великолепная панорама...

Старыгин, вежливо извинившись, обогнал русских туристов. В какой-то момент в их пестрой толпе мелькнуло то же самое лицо с высокими скулами и узкими глазами, но это, должно быть, ему показалось – тот мужчина остался возле отеля, и в любом случае он не мог бы так быстро дойти сюда. Дмитрий Алексеевич пожал плечами и прибавил шаг.

Отполированные ногами тысяч туристов каменные плиты, которыми была вымощена дорожка, скользили под подошвами, и подъем становился все круче. Старыгину пришлось даже остановиться на пару минут, чтобы перевести дыхание. Он представил себе, как карабкались по этому склону испанские воины в тяжелых доспехах, и почувствовал, какого труда стоило христианам отвоевание Испании.

Дорожка сделала новый изгиб, и перед глазами реставратора открылся захватывающий дух вид на бирюзовое зеркало моря, охваченное широким полукругом порта и прибрежной части города. Далеко внизу виднелся пышный приморский парк, бледно-желтое здание мэрии, правильный круг арены для боя быков – Плаца дель Торрес...

Старыгин с трудом оторвался от этой панорамы и взглянул на часы.

До встречи, назначенной Педро Гарсией Мендесом, оставалось семь минут.

Хотя после вчерашних странных событий Дмитрий Алексеевич не был уверен, что эта встреча состоится, он снова прибавил шаг: опаздывать он считал неприличным, даже если человека, назначившего ему встречу, не существует на свете.

Он обошел огромную опунцию, усеянную колючими шишками прошлогодних плодов, миновал смотровую площадку, на которой толпились шумные итальянские школьники, и устремился на штурм последнего участка дороги перед самым замком.

Наконец он вышел на ровную площадку, венчавшую скалу и служившую основанием замка.

Как ни странно, здесь было малолюдно. Очередная группа туристов, разговаривая по-английски, втянулась в ворота музея, и Старыгин остался один.

Педро не было видно, хотя время назначенной им встречи уже наступило.

Старыгин обошел площадку перед замком, мысленно ругая себя. Похоже, он зря отменил встречу с итальянскими коллегами и только напрасно потерял время. Никакого реального объяснения вчерашней встречи он не мог придумать.

Дмитрий Алексеевич был материалистом и не верил в мистику. Маловероятно, что вчерашняя беседа на террасе отеля ему приснилась. Он ясно помнит лицо Педро и его голос, ведь они в свое время были знакомы достаточно близко.

Стало быть, как в старом анекдоте, возможны два варианта. Либо его седовласый собеседник что-то напутал со смертью Педро, либо все же сам Дмитрий Алексеевич испытал некое наваждение. Что, как уже говорилось, маловероятно. В любом случае это скоро выяснится: он подождет, но не больше пяти минут.

Подойдя к краю площадки и перегнувшись через балюстраду, Старыгин снова взглянул на раскинувшийся внизу прекрасный город, на богатые виллы, разбросанные по склону горы, на арену для боя быков – Плаца дель Торрес...

Рядом с балюстрадой стояла подзорная труба на треноге. Через эту трубу, предварительно опустив в специальную щель монету, можно было любоваться видами города, порта, прибрежного парка. Скосив на нее глаза, Старыгин увидел на металлическом основании трубы две написанные красной краской латинские буквы – NB.

Nota bene. Обрати внимание. Этими латинскими буквами издавна отмечали в тексте особо важную фразу, особенно важный момент.

Может быть, Педро хотел привлечь внимание Старыгина? Для него, всю жизнь имевшего дело с древними книгами, значок NB – вполне естественный символ...

Дмитрий Алексеевич оглядел подозрную трубу, ее основание, даже землю вокруг, но не нашел ничего интересного, ничего заслуживающего внимания.

Тогда он опустил в щель монету в один евро и припал глазом к окуляру.

Подзорная труба была направлена на стену Плаца дель Торрес, совсем рядом с входом в круглое здание. Точнее – на афишу, прикрепленную к этой стене.

Сильная оптика позволила Старыгину прочесть текст афиши. Само собой, он был напечатан по-испански, но реставратору хватило его скромных познаний, чтобы понять:

«26 апреля на арене для боя быков в Ронде выступит знаменитый торедор Педро Гарсиа Мендес. Начало в 15 часов».

Дмитрий Алексеевич не поверил своим глазам.

Педро, которого он знал, никогда не был торедором! Как и Старыгин, он был реставратором, но если Дмитрий Алексеевич занимался в основном живописью, то его испанский друг восстанавливал тексты старинных книг, бесценных манускриптов и инкунабул. Книжный червь, кабинетный работник, он не обладал ни атлетической силой, ни ловкостью, необходимой для профессии тореро. Однако вот она, афиша... значит, она повешена там с единственной целью – привлечь его, Старыгина, внимание?

Дмитрий Алексеевич оторвался от окуляра и бросился вниз, к Плаца дель Торрес.

По дороге он с трудом разминулся с той же русской группой, едва не сшиб с пути бодрую английскую старушку, чуть не сломал ноги, поскользнувшись на крутом повороте дорожки... Но через четверть часа он уже бежал по приморскому бульвару к арене для боя быков.

Не задерживаясь у входа, он вбежал в кассу и наклонился к окошечку:

– Вы продаете билеты на корриду в Ронде?

– Си, сеньор! – ответил ему вежливый испанец.

– Мне нужен билет на 26 апреля...

– Простите, мистер? – переспросил его кассир, на этот раз на ломаном английском, – но 26 апреля корриды нет... Вы, наверное, хотели сказать – 27-е?

– Это здесь нет, – отмахнулся Старыгин. – А в Ронде будет коррида. У вашего входа висит афиша, там написано, что выступит тореро Гарсиа Мендес...

– Простите, мистер, но вы что-то путаете, – отозвался кассир с вежливым недоумением. – Я никогда не слышал о таком торедоре, и в Ронде коррида – тоже двадцать седьмого числа.

Старыгин отошел от окошка, вышел из кассы и подошел к главному входу арены – к тому месту, где висела афиша.

Но теперь там было совсем другое объявление:

«27 апреля на арене Малаги выступит знаменитый торедор Мануэль дель Кордоба. Начало в 17 часов».

Но он не мог ошибиться! Он своими глазами видел ту афишу, на которой черным по белому было написано имя – Гарсиа Мендес... точнее, не черным по белому, а красным по светло-желтому. Красным, как кровь, по светло-желтому, как по покрытой песком арене.

Что за черт?!

Впрочем, одернул себя Старыгин, ничего сверхъестественного в этом нет. Сам Педро или кто-то, выдающий себя за него, назначив встречу с Дмитрием Алексеевичем на десять часов утра и оставив значок на подозрной трубе, на несколько минут заменил афишу. Так, чтобы российский реставратор успел прочесть ее и получить адресованную ему информацию.

Что же хотел передать ему Педро?

Он хотел... назначить время и место новой встречи!

Встречи, которая должна состояться в Ронде через два дня, 26 апреля, в три часа пополудни.

Старыгин слышал об этом небольшом городке, расположенном в горах, километрах в пятидесяти от побережья, но прежде ему не приходилось там бывать. Тот же Педро как-то сказал ему, что Ронда – удивительно красивый город, подлинная жемчужина Андалусии.

Ну что ж, вот и подвернулся удобный случай! Конференция как раз закончится, и он вполне может съездить в Ронду...

Принимая это решение, Старыгин ощутил смутное беспокойство.

Он отошел от круглого здания Плаца дель Торрес, поднял руку, чтобы остановить такси.

И в ту же секунду краем глаза заметил выходявшего из остановившейся машины человека. Приземистая фигура, невозмутимое восточное лицо с высокими скулами и узкими щелочками глаз...

Старыгин повернулся, чтобы как следует разглядеть странного незнакомца, но тот юркнул в служебную дверь Плаца дель Торрес.

– Сеньор, мы едем или любимся пейзажем? – осведомился таксист.

– Едем! – ответил Старыгин, садясь в машину, и назвал адрес своего отеля.

Дмитрий Алексеевич в глубокой задумчивости поднялся по ступенькам и вошел в просторный холл. Показалось или нет, что портье, выдавая ему ключ, поглядел на него как-то странно, словно за его привычной профессиональной любезностью таилось некоторое беспокойство и озабоченность?

Старыгин рассеянно поблагодарил служащего и решил, что пока что рано делать какие-то выводы. Он еще не определил для себя, насколько серьезны назревающие события. Если его снова ожидают опасные приключения, то следует смотреть в оба и опасаться каждого встречного.

Вроде бы ничего не настораживает... Обстановка была самой обычной – огромный отель бурлил, как потревоженный муравейник.

В коридоре третьего этажа было тихо. Ковровая дорожка заглушала звук шагов. Старыгин сунул ключ-карточку в прорезь замка, но не успел повернуть дверную ручку, потому что дверь вдруг отворилась. Дмитрий Алексеевич по инерции шагнул в номер и слишком поздно сообразил, что не надо бы этого делать. В голове у него словно внезапно разорвалась граната, и после слепящего света наступила крошечная тьма.

Через некоторое время Старыгин ощутил себя валяющимся на ковре в гостиной своего двухкомнатного номера. Он открыл глаза и увидел прямо перед собой пыльный след мужского ботинка. Стараясь не застонать, Дмитрий Алексеевич повернулся и сел. Голова, как ни странно, не болела, только окружающие предметы не хотели оставаться на своих местах, а прыгали и двоились. Старыгин не стал возмущаться по этому поводу, он сидел тихо и терпеливо ждал, когда же вещам надоест своевольничать и они успокоятся. Он оказался прав: скоро все в комнате, а вернее, у него в голове встало на свои места, и, выждав еще некоторое время, Старыгин осторожно перенес себя на диван. Отдышался и немного оглядел номер.

Как он и предполагал, в комнате все было перевернуто вверх дном. Ясно, что побывал здесь не обычный вор – тот бы аккуратненько прочесал номер в поисках денег и ценностей, а в данном случае искали нечто иное. Дмитрий Алексеевич пожал плечами: у него нечего было брать. Бумажник с паспортом, кредитной карточкой и небольшой суммой наличными на непредвиденные расходы он носил с собой. Он не турист и потому, собираясь на конференцию, не взял с собой ни фотоаппарата, ни видеокамеры. Одежда? Это смешно! Но, однако, вор безусловно побывал в его номере: об этом говорили перерывы и разбросанные вещи, а также удар по голове. Вот именно – Старыгин вернулся не вовремя, раньше срока, и его «приложили», чтобы он не задержал злоумышленника. Или не опознал его.

Морщась, он ощупал голову. Крови не было, но на затылке набухала большая шишка. Надо приложить что-нибудь холодное...

Но когда он захотел добраться до холодильника, все предметы в комнате снова словно взбесились и принялись скакать вокруг него, как ведьмы на шабаше.

– Вот только не хватало мне сотрясения мозга! – сказал Старыгин вслух.

Голос был чужой – высокий и хриплый. В районе макушки ворохнулась боль – сначала тихонько, как бы примериваясь, потом она осмелела и принялась терзать голову, как хищник терзает свою жертву.

Удалось дотянуться до телефона, и через десять минут в его номере оказались перепуганный менеджер, сухая подтянутая женщина в белом халате и немолодой полноватый тип в мешковатом пиджаке, с пышными усами. Менеджер суетился и прижимал руки к сердцу, мешая испанские и английские слова.

У них приличный отель, и никогда ничего такого не случалось...

– Уж будто... – скривился Старыгин. – По-вашему, я все выдумал?

Сообразив, что упрямого клиента никак не удастся убедить в том, что он сам себя двинул по голове и потом в помутнении рассудка разбросал вещи, менеджер поскуучнел и отошел в сторону, отдав Старыгина на растерзание врачу.

Именно на растерзание. У докторши оказались резкие, властные движения и жесткие руки. И нрав, надо полагать, был такой же. Она бесцеремонно ощупала Старыгину голову, причем, не примериваясь, сразу ткнула в самое больное место – так, что он не смог сдержать стоны, – усмехнулась и сказала, что ничего страшного не видит. Конечно, будет синяк, так под волосами его незаметно. И вообще, пациент должен благодарить бога, что имеет отличную шевелюру, будь он лысый, все могло бы кончиться гораздо хуже. Потом она поводила перед глазами Старыгина сухим пальцем, похожим на школьную указку, растворила в стакане шипучую таблетку и дала ему выпить, присовокупив замечание, что все прошло бы и так. Чтобы поскорее избавиться от этой садистки, Дмитрий Алексеевич сказал, что чувствует себя неплохо.

Боль в голове и правда отступила – от злости, или помогла шипучая таблетка. Сознание прояснилось, все предметы прочно стояли на своих местах. И тогда к Старыгину подступил полноватый мужчина в мешковатом пиджаке, представившийся детективом из службы безопасности отеля.

Он осведомился, что пропало из вещей, и Дмитрий Алексеевич, с трудом перебрав дорожную сумку, сообразил, что исчезли только его водительские права. Он не носил их с собой, потому что никуда не собирался ездить. Конференция проводилась тут же, в отеле, по городу он передвигался пешком или на такси.

Однако именно сейчас права ему были необходимы, поскольку в Ронду можно добраться только на автомобиле.

– Сеньор уверен, что не потерял права где-нибудь в другом месте? – осторожно спросил усатый.

К тому времени они в номере остались одни, и Дмитрий Алексеевич, весьма спокойный, образованный и культурный человек, не выдержал. Глядя в глаза детективу, он высказал, куда он хотел бы послать его самого, садистку-врача, идиота-менеджера, а также весь персонал отеля в полном составе. Фраза была произнесена по-русски, но усатый в общих чертах понял, хотя языка не знал.

– Чем я могу вам помочь? – осведомился он.

Старыгин помолчал, собираясь с мыслями. Черт его знает, зачем они взяли его права? Может, так просто, а может, уже пронюхали, что он собирается ехать в Ронду, и решили затруднить ему задачу? Кто такие «они», он предпочел пока не уточнять. Одно ясно: ни о какой случайности в данном случае не может быть и речи. Здесь вам не дешевая итальянская гостиница, где могут произойти подобные вещи. Это солидный респектабельный отель, тут в номерах не воруют. То-то менеджер глядел так мрачно, словно у него любимая канарейка сдохла, и этот, усатый, тоже пытается спустить дело на тормозах.

– Послушайте, – Старыгин внезапно решился, – вы ведь, если не ошибаюсь, бывший полицейский?

– Допустим, – нахмурился усатый, – а в чем, собственно, дело? Думаю, полицию привлекать не стоит, все не настолько серьезно, мы сами тут в отеле прекрасно разберемся.

– Не сомневаюсь, – Дмитрий Алексеевич улыбнулся не слишком любезно, так, чтобы его собеседник убедился в обратном, – однако хочу предложить вам... некоторый компромисс.

– Слушаю вас, сеньор, – усатый взглядом выразил все, что он думает о беспокойных русских, с которыми вечно происходят разные истории.

– Я не стану поднимать шум – просто забуду об этом прискорбном инциденте. В конце концов, голова заживет, у меня ничего ценного не пропало, а водительские права я восстановлю на родине – поверьте, там это будет гораздо проще. А взамен вы, пользуясь своими прежними связями, выясните для меня некоторые вещи... Не волнуйтесь, – Старыгин замахал руками, видя, что усатый нахмурился, – ничего секретного или криминального! Просто я хочу узнать, что случилось с одним моим старым другом. Мне сказали, что он погиб этой зимой в горах. Я бы хотел узнать, как это произошло.

Усатый оглядел разоренный номер, потом перевел взгляд на Старыгина, демонстративно державшегося за голову, и согласился. Он спросил имя и год рождения его знакомого, после чего вышел в другую комнату, чтобы поговорить по телефону.

Дмитрий Алексеевич потратил это время на то, чтобы кое-как собрать вещи. Вернувшийся усатый был мрачен.

– Дело весьма сомнительное, – заговорил он, – тело сеньора Мендеса нашли в его доме через несколько дней после смерти. Телефонная связь там не работает, раз в неделю приходит женщина из ближней деревни для уборки. Вот она и вызвала полицию, когда очнулась.

– То есть? – Старыгин поднял брови.

– Полиция не распространяла эту информацию, и это можно понять... Тело вашего друга было буквально растерзано, у него фактически не было лица... Женщина от неожиданности и ужаса упала в обморок.

– Господи, помилуй! – Старыгин резко вскочил с дивана, отчего затылок отозвался сильнейшей болью. – Да кто же это сделал?!

– Определенно можно сказать, что не человек, – ответил детектив, – скорее всего, хищный зверь. Но какой? Никто не знает. Волков у нас в горах уже давно нет, хотя в последнее время, после того как уничтожили «железный занавес», дикие звери пошли через образовавшийся коридор из Восточной Европы.

Старыгин вспомнил, что слышал эту историю. Оказывается, «железный занавес» – это вовсе не аллегорическое выражение: в горах и лесах по границе стран Варшавского договора действительно была построена двойная высокая изгородь из колючей проволоки, да еще под током, так, чтобы ни человек, ни зверь пройти не могли. Таким образом, дикие звери тоже оказались заложниками коммунистического режима. И только когда стену сломали в некоторых местах, волки из Румынии пошли в Австрию, а медведи из Венгрии – в Альпы, а может быть, и в Пиренеи... Впрочем, помнится в Пиренеи их завезли специально.

– Но какой, скажите, человек в здравом уме запустит в дом дикого зверя? – сам себя спросил усатый. – В общем, дело о смерти вашего друга так и осталось не раскрытым. Сеньор удовлетворен моим рассказом?

Сеньор тотчас уверил усатого детектива, что полностью удовлетворен и не имеет ни к отелю, ни к нему лично никаких претензий.

Через два дня Дмитрий Алексеевич с удивлением обнаружил, что жестокая докторша была права, утверждая, что ничего страшного с ним не случилось. Голова не болела и не кружилась, и даже шишка на затылке рассосалась.

Конференция благополучно завершилась, и за это время никто его не побеспокоил.

Старыгин решил ехать в Ронду не на такси, а на автобусе. В стаде туристов можно если не затеряться, то хотя бы не бросаться в глаза. Он без труда пристроился к очередной экскурсии.

Комфортабельный автобус уже стоял возле крыльца отеля, и шумные немецкие туристы занимали свои места. Старыгин пробрался по узкому проходу между сиденьями, устроился на свободном месте возле окна. Тут же рядом с ним плюхнулась полная рыжеволосая немка неопределенного возраста, в бирюзовых шортах и оранжевой футболке, обтягивающей обильные телеса. Она шумно приветствовала Старыгина по-немецки, затем по-английски. Дмитрий Алексеевич вежливо, но сдержанно ответил и отвернулся к окну – он был не в том настроении, чтобы поддерживать разговор.

Его соседка не отступила. На смеси всех европейских языков она принялась допытываться, откуда Старыгин родом и давно ли он пребывает в Малаге. Дмитрий Алексеевич ответил, что он в Малаге четвертый день (что соответствовало действительности), а родом он из Албании (он надеялся, что уж албанского-то языка его соседка не знает и это избавит его от дальнейших расспросов).

Соседка действительно на какое-то время умолкла, переваривая полученную информацию. Наконец, она боязливо поинтересовалась, что такое Албания и где она расположена.

– В Европе, любезная фрау! – ответил Старыгин.

– Фрейлен, – ответила соседка, кокетливым жестом поправив рыжеватые волосы.

К счастью для Старыгина, автобус выехал из города, и гид, высокий худощавый испанец с завязанными в конский хвост черными волосами, завел бесконечный рассказ о достопримечательностях, простиравшихся по обеим сторонам дороги и ожидавших туристов в течение их непродолжительного путешествия.

За окнами автобуса проносились терракотовые холмы, покрытые бесконечными оливковыми рощами. Столетние деревья, словно высаженные по невидимой линейке, ровными рядами тянулись до самого горизонта, точнее, до тающих в золотистой дымке гор, окружавших прибрежную равнину Коста дель Соль.

Соседка Старыгина, немного послушав гида, утратила к нему интерес и снова повернулась к Дмитрию Алексеевичу.

– А как у вас в Албании обстоит дело с охраной окружающей среды? – осведомилась она на ломаном английском.

– Что? – удивленно переспросил Старыгин. – А, с охраной среды... прекрасно, с этим у нас все прекрасно!

– Ну надо же! – обрадовалась немка. – Такая маленькая страна, и все хорошо! А вот я никак не могу добиться от своей соседки, фрау Мельцер, чтобы она сортировала свой бытовой мусор, как это делает всякий цивилизованный человек!

Старыгин тяжело вздохнул и сделал вид, что чрезвычайно увлечен заочным пейзажем.

Выглянув в окно, он заметил черный джип, ехавший по параллельной полосе чуть позади их автобуса. Этот же джип он видел утром рядом с отелем... Собственно, в этом не было ничего необычного. Станным было только то, что мощный автомобиль не пытался обогнать туристский автобус: он ехал с той же скоростью, словно сопровождая туристов, как почетный караул.

– Ронда, куда мы с вами приедем примерно через час, – один из самых древних городов не только Андалусии, но и всей Испании, – продолжал гид свой рассказ. – Этот город упоминался уже древними римлянами. В его создание вложили что-то свое финикийцы и кельты, римляне и мавры. Каждый из этих народов оставил в городе частичку своей души. В Ронде бывали Теофиль Готье и Александр Дюма, Густав Доре и Эрнест Хемингуэй. Великий австрийский поэт Райнер Мария Рильке написал здесь свою «Испанскую трилогию»; Джеймс Джойс дописывал в Ронде свой знаменитый роман «Улисс»... но Ронда интересна не только списком побывав-

ших здесь знаменитостей, но и своим уникальным расположением, удивительной красотой и живописностью видов...

Автобус миновал небольшой приморский городок Сан-Педро-де-Алькантара и свернул на дорогу, уходившую в горы. Черный джип не был виден за окном, но Старыгин почему-то не сомневался, что он едет следом за автобусом.

Дорога становилась все круче и уже. Вскоре она превратилась в тесную ленту серпантина, льнувшую к скалистому хребту. Слева, за окном автобуса, открывалась головокружительная бездна. Вдалеке, на самом горизонте, ослепительно синело море и виднелась несокрушимая громада Гибралтарской скалы.

– Я очень боюсь высоты! – щебетала под самым ухом Старыгина рыжеволосая фрейлен. – У меня от этого начинается головокружение. А как вы переносите высоту? У вас в Албании есть такие высокие горы?

Старыгин промолчал.

Он испытал при виде разверзшейся за окном пропасти какое-то двойственное чувство. Первозданный, мистический страх смешивался с волшебным, завораживающим, магическим восторгом. Хотелось подойти к краю обрыва и сделать шаг в пронизанное солнцем беспредельное пространство, чтобы раствориться, исчезнуть в этом величественном древнем пейзаже...

Испанские водители, судя по всему, не чувствовали на этой дороге ничего особенного. Они мчались, не соблюдая ограничений скорости даже на самых крутых виражах, не задумываясь, шли на обгон, проносясь по краю дороги и едва не срываясь в пропасть. Особенно бесшабашными казались мотоциклисты. Они то и дело обгоняли неповоротливый автобус, сновали между машинами, как мелкие рыбешки среди акул, закладывая немислимые виражи. Над дорогой висел предупреждающий щит, на котором было написано, что с начала этого года уже восемьдесят три мотоциклиста погибли на дорогах Испании, но эта ужасная статистика никого не останавливала.

Словно этого мало, дорога внезапно оторвалась от горного хребта и устремилась вперед по узкому ажурному мосту, перекинутому через пропасть. По сравнению с грандиозностью гор, этот мост выглядел таким невесомым и ненадежным, что казалось, будто туристский автобус летит над пропастью без всякой опоры.

Старыгин тряхнул головой, сбрасывая с себя гипноз распаханного безграничного пространства.

Его соседка хранила обиженное молчание, так и не дождавшись ответа на очередной вопрос.

Наконец, обогнув очередную скалу, автобус выехал на горное плато, и впереди показались первые дома Ронды.

– Мы подъезжаем к новой части города, которая называется Эль Меркадильо, – продолжал гид свою просветительскую работу. – Эта часть города начала застраиваться после христианской реконкисты в 1485 году. Она отделена от старой, мавританской части Ронды, которую называют Ла Суидад, глубоким живописным ущельем, через которое перекинуты три моста...

– А в какой части города располагается арена для боя быков? – довольно невежливо перебил экскурсовода Старыгин.

– В новом городе, – недовольно ответил тот. – Мы непременно увидим арену и посетим размещенный там Музей корриды. Но всему свое время. Итак, через глубокое ущелье, разделяющее Ронду на две части, перекинуты три моста. Один из них, самый большой, – это так называемый Новый мост, он построен всего триста лет назад, в восемнадцатом веке. Архитектор, руководивший постройкой моста, сорвался с него и разбился насмерть. Надо сказать, это не единственный трагический случай в истории моста. За триста лет его существования десятки людей случайно упали с него или добровольно ушли из жизни, бросившись в ущелье...

Гид сделал приличествующую случаю паузу и продолжил:

– Однако, несмотря на связанные с ним прискорбные эпизоды, этот прекрасный мост стал визитной карточкой Ронды. Кроме Нового, через ущелье ведут еще два моста – так называемый Арабский мост, построенный маврами приблизительно восемьсот лет назад, и Старый мост, созданный еще римлянами и позднее перестроенный... кроме этих трех мостов, в мавританскую часть города можно попасть по лестнице, состоящей из трехсот шестидесяти пяти ступеней. Во времена осады города христианами мавры поставили на этой лестнице цепочку из христианских рабов, которые поднимали в кувшинах воду из реки. Триста шестьдесят пять пленных христиан передавали друг другу кувшины с питьевой водой до тех пор, пока Ронда не пала... а сейчас взгляните на здание отеля «Королева Виктория». Именно здесь, как правило, останавливались все знаменитые гости Ронды...

Длинноволосый гид продолжал свою увлекательную лекцию, но Старыгин, воспользовавшись короткой остановкой, выбрался из автобуса и устремился к Плаца дель Торрес, благо направление ему подсказал уличный указатель.

Перед входом в круглое здание арены красовались памятники двум знаменитым тореадорам. Судя по надписям на постаментах, они принадлежали к одному и тому же семейному клану Ордонес. Видимо, в благородном деле корриды издавна процветает семейственность. Не задерживаясь возле них, Старыгин вошел в помещение кассы. На его вопрос кассир сообщил, что корриды сегодня действительно нет, и кабальеро (как он назвал Дмитрия Алексеевича) может посетить расположенный в здании музей.

Старыгин недолго раздумывал.

Тот, кто направил его сюда, в Ронду, явно что-то хотел ему сообщить, причем нечто, несомненно, очень важное. Афиша в Малаге недвусмысленно извещала о бое быков, который должен состояться в Ронде именно сегодня, двадцать шестого апреля, в пятнадцать часов. Корриды сегодня нет, значит, в указанное время здесь произойдет что-то другое. И настолько важное, что из-за этого стоит преодолеть опасную горную дорогу.

До назначенного времени оставалось чуть меньше часа.

Старыгин купил билет и вошел в помещение музея.

Все выставленные здесь экспонаты так или иначе были связаны с корридой. В одной из витрин красовался камзол выдающегося тореро Педро Ромеро, в другой – шпага и мулета, принадлежавшие его основному конкуренту, Хосе Картахо. Стены украшали выцветшие фотографии корриды столетней давности: нарядные всадники-пикадоры, лихо гарцующие по арене вокруг огромного угольно-черного быка, бравый тореадор, опустившийся на одно колено, высоко подняв кроваво-красную мулету...

– Кабальеро интересуется корридой? – раздался за спиной Старыгина гнусавый голос.

Старыгин повернулся и увидел тощего низкорослого испанца с круглой, совершенно лысой головой и лихо закрученными черными усами. Подкрутив левый ус и отставив в сторону искривленную подагрой ногу, завсегдатай корриды продолжил:

– Это была особенная коррида, она вошла в историю! Тогда знаменитый Хуан Ромеро, по кличке Маленький Хуанито, брат великого Педро, превзошел самого себя. Он двадцать минут дразнил быка, стоя на коленях! Вы можете себе представить, сеньор? Целых двадцать минут не вставал с колен!

Старыгин, припоминая свои скудные познания в испанском, сказал, что нет, не может. Впрочем, он не мог бы представить и многое другое, связанное с корридой, поскольку ни разу не присутствовал на этом национальном испанском развлечении. Честно говоря, ему было попросту жаль быка.

– Так вот, сеньор, поверьте мне – целых двадцать минут он не поднимался с колен! Это не удавалось ни одному тореро ни до, ни после него! Конечно, сам я этого не видел, меня тогда еще не было на свете. Мой дед рассказывал мне со слезами на глазах, он запомнил эту корриду на всю жизнь, а ведь он тогда еще был ребенком!

Старыгин уважительно покачал головой – наверняка нужно было как-то показать испанцу свое восхищение.

– А здесь, на этой стене, вы видите самую знаменитую женщину-тореадора Ронды, – продолжал усатый кабальеро, указывая рукой на соседний простенок. – Ее звали Тереза Рамирес, но публика называла ее Палома...

– Простите, сеньор, – удивленно проговорил Старыгин. – Но я не вижу здесь никакой женщины...

– Как?! – хромой гид недоверчиво повернулся к Старыгину. – Не может быть, сеньор! Я прекрасно помню, что здесь висит фотография Терезы Рамирес...

– Уверяю вас! – Старыгин пожал плечами. – Я вижу на этом снимке только представительного усатого господина в полосатом костюме и шляпе...

– Что вы говорите?.. – хромой кабальеро залился краской смущения и достал из кармана очки в металлической оправе. – Но это просто невозможно... кто мог учинить такое безобразие?!

Он нацепил очки на нос, приблизился к выцветшей фотографии и удивленно уставился на нее.

– Вы правы! – произнес он наконец тоном трагического актера, сообщающего благородной публике, что он собирается застрелиться. – Какой-то злой шутник перевесил фотографии! Видимо, он хотел поставить меня в неловкое положение! На этом месте всегда висела фотография великой Терезы Рамирес, а теперь здесь портрет майора Ронды Пабло Альмавидеса...

– Кого? – переспросил Старыгин. – Майора?

– Майора Ронды.

До Дмитрия Алексеевича с запозданием дошло, что майор – это мэр города.

– Да, мэр, – подтвердил испанец, – жители прозвали его «Триста шестьдесят пять»...

– Как? – переспросил Старыгин, не уверенный, что правильно понял испанское выражение.

– Жители Ронды называли мэра Альмавидеса «Триста шестьдесят пять», потому что он любил повторять одну и ту же фразу: «У нас в Ронде так любят корриду, что мы готовы смотреть ее триста шестьдесят пять дней в году, не считая високосных...»

– Триста шестьдесят пять?! – переспросил Дмитрий Алексеевич, оглянувшись на фотографию.

На снимке представительный усатый господин в прекрасно сшитом полосатом костюме, судя по всему, произносил речь. Говорил он с пафосом, лицо его было вдохновенно-серьезным. Трибуна была украшена цветами, внизу речь мэра восторженно приветствовали жители города. Старыгин подумал было, что снимок запечатлел какой-нибудь национальный праздник, но вспомнил, что мэр города Альмавидес страстно любил корриду.

– Вы правы, сеньор, – угадал его мысли лысый испанец, – мэр благодарит жителей города за оказанную ему честь. Видите ли, в честь его шестидесятилетия была устроена грандиозная коррида с участием самых знаменитых тореадоров. Незабываемое зрелище, наш «Триста шестьдесят пять» был растроган до слез!

Старыгин взгляделся в снимок и заметил на заднем плане красиво выведенную цифру 60, хотя это было нелегко – все было задрапировано красными розами.

– Кажется, я догадываюсь, кто перевесил эти фотографии, – продолжал хромой кабальеро. – Это сделал низкий, бесчестный человек – Пако Меллес! Мелкий интриган! Он хотел подшутить надо мной, но мы еще посмотрим, кто будет смеяться последним! – и он со значением подкрутил свой правый ус.

– Благодарю вас, сеньор! – Старыгин взялся за ручку двери.

Он тоже догадывался, кто поменял фотографии: тот же человек, который направил его в Ронду.

– Куда же вы? – окликнул его испанец. – Если вам понравился мой рассказ, вы пожертвуете несколько евро в фонд помощи безработным тореадорам...

– Да, конечно! – Старыгин протянул хромоту пять евро и выскочил на улицу.

«Триста шестьдесят пять!» – повторял он про себя.

Ведь, по словам гида из туристского автобуса, именно столько ступеней в лестнице, ведущей из ущелья в старую мавританскую часть города. Наверняка именно туда, на эту древнюю лестницу, хотел его направить человек, по чьим следам идет Старыгин... и следует поторопиться, потому что до назначенного времени оставалось чуть больше получаса.

По узким кривым улочкам Дмитрий Алексеевич спустился в нижнюю часть города, миновал заросший травой пустырь и оказался у основания лестницы, поднимавшейся вверх, на головокруговетельную высоту, где, словно ласточкины гнезда, лепились к обрыву белые домики мавританского города.

Старыгин огляделся, не нашел у основания лестницы никаких особенных знаков и начал длительное восхождение.

Поднимаясь на солнцепеке по крутым каменным ступеням, он чувствовал себя несчастным христианским рабом и радовался только одному – тому, что ему не приходится тащить на спине огромный глиняный кувшин с водой. Зато, в отличие от тех невольников, ему приходилось очень спешить – ведь время, обозначенное на афише в Малаге, неумолимо приближалось.

Солнце стояло в зените и поливало несчастную ушибленную голову Дмитрия Алексеевича, как в пятнадцатом веке мавры, скрывавшиеся за стенами Ронды, поливали испанских рыцарей жидким огнем. На такой жаре все мысли исчезли, и Старыгин механически переставлял ноги, мечтая, чтобы все поскорее закончилось.

Навстречу ему попала толпа американцев. Они громко переговаривались, обмениваясь впечатлениями о городе, одна пожилая полная американка споткнулась и разлила воду из бутылки прямо под ноги Дмитрию Алексеевичу.

Старыгин успел поддержать ее и выслушал порцию благодарностей, после чего американка удалилась, а он с жадностью смотрел на подсыхающую лужицу. Пить хотелось невыносимо.

Тут в его голове закопошились кое-какие мысли, точнее – одна, но важная: для чего он сначала спустился вниз, а теперь снова ползет в город по этой ужасной лестнице? С какой целью Педро дал ему такое указание? И правильно ли он, Старыгин, это указание понял?

Педро хотел привлечь его внимание к перевешенной фотографии, несомненно, именно она должна была донести до Старыгина некую информацию. «Триста шестьдесят пять» – тут речь идет о лестнице, это несомненно, но вот что Старыгин должен тут отыскать? Еще одну подсказку?

Старыгин поглядел на небо, словно хотел найти там ответ на свои многочисленные вопросы. Он тут же зажмурился от яркого солнца, но в голове просветлело.

Что еще было на снимке? Число 60. Не может ли это быть номер ступеньки?

Проклиная свою тупость, он побежал вниз. Побежал – это громко сказано: казалось, что на спину ему давит глиняный кувшин, а плечи болят от врезающихся кожаных ремней.

Ну, вот и площадка перед лестницей. Старыгин нашел крошечный кусочек тени, но долго отдыхать не было времени.

И снова восхождение, только теперь он отсчитывал ступеньки вслух, чтобы не ошибиться. Лестница была пустыня – никто не решался ходить по такой жаре.

– Шестьдесят! – негромко сказал он, наклонился и внимательно оглядел ступеньку.

На первый взгляд она ничем не отличалась от всех остальных, и он уже подумал, что на этот раз вытащил пустой номер или попросту переборщил в поисках кодов и загадок. Но тут на глаза ему попала засунутая в щель между ступенькой и отвесной скалой скомканная

пачка от сигарет. Зная природную аккуратность испанцев, Дмитрий Алексеевич удивился. А от удивления, как известно, один шаг до открытия.

Он вытащил пачку из щели, расправил ее...

Такие сигареты ему прежде не попадались. На пачке было красными буквами напечатано название – Netherlands blend. Голландские светлые. NB... Nota bene... Обрати внимание!

Всякие сомнения отпали: это было новое предупреждение от Педро Мендеса – или от кого-то, кто под именем Педро вызвал его в Ронду. Старыгин не ошибся с номером ступеньки, только нужно поискать внимательнее.

Дмитрий Алексеевич опустил на колени и еще раз тщательно оглядел ступеньку.

Несмотря на все свое внимание, он по-прежнему не видел в ней ничего особенного.

Плоская каменная ступенька, вытертая за сотни лет сначала босыми ногами невольников-водоносов, а потом – обутыми в кроссовки «Адидас» и «Найк» ногами японских и американских туристов.

Теряя последнюю надежду, Старыгин взглянул на часы. Они показывали ровно пятнадцать ноль-ноль – то самое время, которое было указано на афише в Малаге. Кто бы ни назначил ему встречу на это время – Старыгин опоздал. Он снова взглянул на ступеньку... и вдруг увидел, что на нее упала узкая тень от ажурной колокольни, расположенной по другую сторону ущелья. И в той точке, которую накрыла эта тень, он увидел цепочку свежих отметин, выбитых в камне. Цепочку едва заметных углублений, которые стали видны только при боковом освещении, на границе света и тени.

Старыгин хорошо знал эти углубления, похожие на ямки от наконечника стрелы – это было ассирийское клинописное письмо.

В своей работе реставратора Дмитрию Алексеевичу приходилось изучать многие, на первый взгляд, совершенно бесполезные вещи. С ассирийской клинописью ему тоже как-то случилось столкнуться, когда он выполнял важный заказ для Восточного отдела Эрмитажа.

Конечно, он не знал ее так хорошо, как латынь, не мог свободно писать и читать на этом древнем языке, но кое-что, буквально несколько десятков слов, он мог разобрать. И поэтому понял проступившую на камне надпись: «Третья слева в седьмом».

Вот почему он должен был успеть сюда в строго определенное время – только в три часа пополудни тень от колокольни падает так, что можно прочесть клинописную надпись! Значит, он не зря спешил сюда. И он успел, оказался в нужное время в нужном месте. И еще один вывод можно сделать из этой находки: тот, кто оставил на камне эту надпись, во-первых, владеет клинописью и, во-вторых, знает, что Старыгин сможет прочесть клинописное послание.

А этим человеком может быть только Педро Гарсия Мендес.

Старыгин хорошо помнил, как в Севилье они с Педро разговаривали о коллекции Британского музея, где хранится большая часть ассирийских глиняных табличек, сохранившихся до наших дней. Тогда Педро концом зонтика начертил на песке несколько ассирийских слов, а Дмитрий Алексеевич без затруднения прочел их.

Но это значит... это значит, что Педро жив? Или, по крайней мере, он был жив, когда оставлял Старыгину это послание.

– Сеньор, вы уже отдохнули? Вы позволите пройти? – раздался вежливый женский голос.

Дмитрий Алексеевич оглянулся. Чуть ниже его, терпеливо ожидая, стояла пожилая женщина в темном монашеском одеянии.

– Простите, сестра, я задумался! – проговорил Старыгин и двинулся вперед, точнее, вверх.

Карабкаясь по крутым ступеням, он думал.

Да, он нашел на ступеньке сообщение. Но это ровным счетом ничего ему не дало. «Третья слева в седьмом». Что это значит? Где он должен искать эту самую «Третья слева в седьмом»? Откуда он должен отсчитывать, и самое главное – что? Несмотря на то, что он отправился

в путь, руководствуясь первым посланием, несмотря на то, что вовремя оказался в нужном месте – он вновь оказался в тупике. То ли он прочел не всю клинописную надпись, то ли упустил еще какой-то важный момент...

В этот миг, прервав его размышления, над головой его раздался гулкий, печальный, протяжный звук.

Еще и еще раз протяжный гул проплыл над ущельем – теперь Старыгин понял, что слышит колокольный звон.

– Где это звонят, сестра? – спросил он поднимавшуюся вслед за ним монахиню.

– Это в нашем Кафедральном соборе, – отозвалась та, переведя дыхание. – В церкви Санта-Мария Майор! Ах, какое горе – я опаздываю! Мать-настоятельница велела мне вернуться не позже трех! – и монахиня прибавила шаг.

«Санта-Мария Майор!» – повторил про себя Старыгин.

Он вспомнил слова хромого экскурсовода в Музее корриды. Майор Альмавидес, сказал тот, увидев перевешенную фотографию. Может быть, все дело в том, что Старыгин прочел не все послание, заключенное в этом снимке? Прозвище мэра – «Триста шестьдесят пять» – привело его на эту лестницу, помогло найти клинописную надпись. Украшенное цветами число 60 позволило определить номер ступеньки. Но вполне возможно, что часть послания заключена в самом звании Альмавидеса, и теперь путь Старыгина лежит в церковь Санта-Мария Майор?

Дмитрий Алексеевич заторопился, стараясь не отставать от монахини.

Вскоре они поднялись на смотровую площадку, расположенную в мавританской части Ронды. Старыгин невольно бросил взгляд назад, на ущелье, разделявшее две половины города. От грандиозной панорамы, открывшейся его взору, невольно захватывало дух. Ущелье рассекло Ронду, как рана, нанесенная городу кривой мавританской саблей. По его отвесным краям лепились каменные постройки, казавшиеся отсюда крошечными, как кукольные домики. Темные массивы скал отбрасывали мрачные тени. Внизу, под ногами Старыгина, парил горный орел, высматривая жертву на дне ущелья. Вряд ли, подумал Старыгин, найдется где-нибудь в мире другой город, расположенный столь же величественным образом...

Он отвлекся от потрясающего вида, вспомнив о цели своего путешествия. Монахиня уже свернула в один из узких переулков, и Дмитрий Алексеевич поспешил за ней, чтобы не заблудиться в лабиринте мавританского города.

А за поворотом действительно начинался настоящий лабиринт. Белые дома с изящными балконами, на которых красовались ящики с цветами и птичьи клетки, казалось, стояли здесь с единственной целью – чтобы сбить Старыгина с толку, запутать его, пустить по ложному следу. Эхо шагов монахини отдавалось от каменных стен, усугубляя путаницу. Дмитрий Алексеевич чуть ли не бежал, и наконец за очередным поворотом он увидел темный силуэт в монашеском одеянии. Переведя дыхание, он двинулся вслед за монахиней и вскоре вышел на небольшую уютную площадь, в центре которой был разбит сквер, а на краю возвышалась церковь с изящной колокольной, украшенной изумительной каменной резьбой.

Старыгин не сомневался, что колокольная перестроена из мусульманского минарета, а сама церковь воздвигнута на фундаменте мавританской мечети. Именно отсюда, с этой колокольни, доносился тот печальный колокольный звон, который услышал Старыгин, карабкаясь по каменной лестнице.

Кафедральный собор Ронды, церковь Санта-Мария Майор... если он верно разгадал послание в Музее корриды, путь его лежит именно сюда.

Старыгин вошел под своды собора.

Точнее, он вошел в небольшое помещение вроде прихожей, где размещался киоск с альбомами и путеводителями на разных языках. Здесь же продавали билеты для посещения собора. Точнее, должны были продавать, поскольку за столиком кассы никого не было.

Дмитрий Алексеевич остановился и огляделся.

В одном из углов комнаты он увидел расположенную под потолком резную каменную раковину – михраб, оставшийся от мечети, на месте которой построили собор. Старыгин не был специалистом по мусульманской культуре, но, конечно, знал, что михраб – изобретение арабских архитекторов, каменный резонатор, усиливающий голос проповедника. Мулла, совершающий богослужение в мечети, встает под михрабом, и резная раковина так усиливает его голос, что он слышен в самых отдаленных концах храма.

В знаменитой мечети Кордовы могло поместиться во время богослужения до пятидесяти тысяч мусульман, и все они слышали усиленный михрабом текст Корана.

Кроме древнего михраба, в помещении находилось несколько старинных картин на евангельские сюжеты – «Благовещение», «Поклонение волхвов»... Раннее Возрождение, определил Старыгин, вероятно, северное... скорее всего, фламандская школа.

Картины потемнели от времени, красочный слой частично пострадал от неаккуратного хранения, но в композиции и рисунке чувствовалась рука мастера, и Старыгин почувствовал профессиональный зуд – он представил себе, как мог бы отреставрировать эти холсты.

Особенно хороша была Мадонна в «Благовещении» – удивленное лицо, немного приподнятые углы глаз, кроткая улыбка на губах... Она вся светилась надеждой и ожиданием, и еще – в ней было слабое недоверие к той чудесной вести, которую принес ей юный женственный архангел... Краски картины поблекли от времени, но Старыгин почему-то не сомневался, что легкие волосы Мадонны отливают в закатном освещении темным старинным золотом.

– Простите, сеньор, я вас задержала... – раздался у него за спиной негромкий голос.

Дмитрий Алексеевич обернулся – и сердце его невольно пропустило один удар.

В дверях стояла высокая молодая женщина.

Это лицо... оно словно сошло с картины, которой только что любовался Старыгин. Те же удлинённые янтарные глаза, немного приподнятые к вискам, те же полные, чуть приоткрытые губы, на которых играла кроткая неуверенная улыбка. Те же высокие скулы, смуглая нежная кожа и легкие, свободно распущенные волосы, отливающие темным старинным золотом в неярком свете, пробивавшемся через небольшое окно.

– Я угадал этот цвет! – пробормотал Старыгин, справившись со своим голосом.

– Простите, сеньор, вы что-то сказали? – переспросила незнакомка.

Она удивленно взглянула на посетителя, и ее янтарные глаза словно рассыпали по полутемной комнате сноп золотистых искр.

Голос у нее был немного низкий, хриловатый, и от его звука сердце Старыгина снова пропустило удар.

– Нет, ничего... – смущенно пробормотал Старыгин. – Я хотел бы осмотреть собор...

Усилив волю он призвал себя к порядку. Что все это значит? Он уже не мальчик, чтобы приходить в неумеренный восторг от прекрасных глаз. Девушка, конечно, хороша, просто обворожительна, но он ведь прибыл в Ронду по делу...

– Конечно, сеньор! – женщина прошла за столик кассы. – Обычно билеты продает Тереза, но у нее что-то случилось дома, и она попросила меня подменить ее...

Дмитрий Алексеевич протянул девушке деньги, взял у нее картонный квадратик билета и вошел в собор, чувствуя спиной удивленный взгляд янтарных глаз. Ему понадобилось вспомнить о своем хорошем воспитании, чтобы не обернуться.

Собор поразил его.

Огромное внутреннее пространство с двух сторон замыкалось двумя алтарями – строгим и величественным готическим и пышным ренессансным, напоминавшим знаменитый алтарь Гранадского собора. В ренессансном алтаре стояли деревянные изображения святых, облаченные в настоящие средневековые костюмы, поражающие воображение пышностью отделки и роскошью золотого шитья.

Стены собора украшали фрески в странном, непривычном Старыгину стиле – все изображенные на них люди – волхвы и пастухи, римские legionеры и простые землепашцы – отличались какими-то дикарскими, первобытными чертами лиц, и в выражении этих лиц проступали столь же первобытные, первозданные страсти – ярость, голод, страх, ненависть, презрение...

Старыгин с подлинным восторгом разглядывал убранство собора. Ему казалось, что никогда прежде архитектура и живопись не производили на него такого сильного впечатления. Но, может быть, всему виной была встреча с удивительной девушкой, напоминавшей средневековую Мадонну? Должно быть, взгляд ее янтарных глаз перевернул что-то в душе Старыгина, очерстневшей за последние годы, и она снова, как в молодости, открылась красоте мира, красоте природы и искусства.

Однако, напомнил себе Дмитрий, он пришел сюда вовсе не за этим – если верить его догадке, именно здесь он должен был что-то найти или кого-то встретить... Пока что он шел точно по следу, который оставил ему Педро Гарсия Мендес.

Обойдя собор по кругу, он увидел надпись:

«Книгохранилище».

Стрелка под этой надписью указывала вниз, и Старыгин увидел лестницу, ведущую в крипту – в подземелье собора.

Педро Гарсия Мендес специализировался на реставрации книг, поэтому вполне логично было предположить, что именно в книгохранилище он мог оставить Старыгину свое послание.

Дмитрий Алексеевич спустился по мраморным ступеням и оказался в сводчатом подземелье. Вдоль его стен стояли ярко освещенные стеклянные витрины книгохранилища. В каждой из этих витрин было выставлено по одной книге – драгоценные средневековые манускрипты или древнейшие печатные издания, так называемые инкунабулы. Каждая книга была раскрыта на одной из страниц. Старыгин шел от витрины к витрине, разглядывая изящно выписанные буквы, яркие живописные миниатюры, украшавшие заголовки и начала абзацев. Чудесные краски – глубокая небесная лазурь, пламенеющая киноварь, темное старинное золото. Ему пришло в голову, что над этими книгами наверняка поработал в свое время Педро, восстанавливая в первозданном виде эти тонкие рисунки и яркие краски.

Здесь были богослужебные книги, старинные молитвенники и часословы, жития святых и теологические трактаты. Их латинские тексты Старыгин свободно мог прочесть, а тонкими иллюстрациями он невольно залюбовался. Святые и разбойники, грозные воины и величественные монархи, дикие звери и мифологические чудовища были выписаны с удивительным искусством.

Попадались и мавританские книги, с изысканной вязью арабских букв, бегущих справа налево, словно в зеркальном отражении. В отличие от латинских книг, украшенных изображениями людей и животных, птиц и цветов, в арабских книгах были только орнаменты – ведь Коран запрещает изображать живые существа и предметы реального мира, поскольку это дозволено одному Аллаху.

Медленно переходя от витрины к витрине, любуясь старинными манускриптами, Старыгин прошел подземелье до самого конца и уже хотел было повернуть назад, но вдруг увидел приоткрытую дверь, ведущую еще в одно помещение.

Заглянув туда, он увидел большую прямоугольную комнату с таким же сводчатым потолком. В отличие от остальной части крипты, здесь царил привычный Старыгину рабочий беспорядок. На огромных столах были разложены пергаментные страницы, стояли банки с кистями, лежали скальпели и мастихины – острые инструменты, которыми пользуются художники и реставраторы для того, чтобы снимать с холста или доски излишек краски.

В общем, своим профессиональным взглядом Старыгин узнал в этом помещении мастерскую реставратора.

Над одним из ярко освещенных столов склонилась изящная женская фигура.

Женщина что-то соскабливала с листа старинного пергамента. Она стояла спиной к двери, но даже эта узкая, хрупкая спина, острые беззащитные плечи вызвали в душе Старыгина прежнее волнение. И эти волосы, свободно рассыпавшиеся по плечам, волосы цвета темного старинного золота...

Эта была она – та девушка, похожая на средневековую Мадонну.

Почувствовав спиной взгляд, девушка обернулась.

Старыгин снова увидел ее удивительные янтарные глаза.

В подземной мастерской словно стало светлее от этого удивительного взгляда, как будто девушка и впрямь осыпала комнату тысячами золотистых искр.

– Я могу вам чем-то помочь? – проговорила она, вопросительно взглянув на Старыгина, и вдруг нахмурилась: – Ах, это вы, сеньор!

Как видно, от нее не ускользнули его пламенные взгляды, когда она сидела за кассой, и теперь она посчитала его назойливым приставай-туристом, который хочет пофлиртовать с хорошенькой местной жительницей.

Старыгин в первый момент почувствовал острое смущение и стыд оттого, что девушка так плохо о нем подумала, но преодолел себя и проговорил:

– Так вы реставратор! А я подумал, что вы торгуете билетами и путеводителями...

– Я говорила вам – Тереза попросила подменить ее. Теперь она вернулась, и я могу продолжить свою работу.

– А над чем вы работаете, если не секрет? – Старыгин вошел в мастерскую, с интересом оглядываясь по сторонам.

Девушка нахмурилась еще больше, теперь янтарные глаза грозно сверкнули:

– Простите, сеньор, но это – служебное помещение... посетителям собора не разрешается сюда входить... Вы должны выйти.

– Но я – не турист, я приехал сюда по делу, и я хотел бы задать вам несколько вопросов, если вы позволите...

– Это исключено, – девушка была полна решимости выдворить Старыгина из мастерской. – Если вы журналист, то должны были заранее договориться о встрече. Знаете ли, мое начальство вряд ли одобрит присутствие в мастерской посторонних. Кроме того, здесь много хрупких и ценных книг, вы можете нечаянно испортить их...

– Не волнуйтесь, – поспешил успокоить ее Старыгин. – Я знаю, как обращаться с художественными ценностями. Я – ваш коллега, реставратор из Петербурга...

– О! – девушка улыбнулась, но в янтарных глазах все же остался холодок настороженности. – Я бывала в Эрмитаже, там превосходная коллекция живописи.

– Жаль, что мы не встретились там, – слишком оживленно проговорил Дмитрий. – Я показал бы вам Эрмитаж лучше любого экскурсовода... показал бы вам не только то, что выставлено в залах музея, но и шедевры, хранящиеся в запасниках.

Улыбка исчезла с ее лица, и Старыгин опомнился. Что он делает? Отчего разговаривает с ней так фамильярно? Ведь это же Испания, люди здесь сдержанные, а он лезет напролом. Пожалуй, она действительно вызовет сейчас охрану, и его выведут с позором! Да что с ним, в конце концов, такое? Солнцем голову напекло, что ли? Ведь он всегда умел вызвать доверие, расположить к себе человека...

Да, но если у человека такие глаза, от взгляда которых он просто дуреет... Это от переутомления, решил Старыгин, слишком много пришлось пережить за последние несколько дней. К тому же весна, организм ослаблен...

Он глубоко вздохнул и вспомнил о цели своего посещения:

– Простите мое вторжение и не думайте обо мне плохо. Дело в том, что я приехал издалека не просто так. Меня зовут Дмитрий Старыгин, если хотите, я могу показать паспорт.

– Это лишнее... – она слабо махнула рукой. – Я...

– Позвольте задать вам всего один вопрос, – заторопился Старыгин, испугавшись, что у него больше не будет шанса, и решив действовать по наитию. – Знакомо ли вам имя Педро Гарсия Мендеса?

– Еще бы! – глаза девушки заблестели. – Он был моим учителем! Я очень многим ему обязана. И здесь, в этом книгохранилище, он много работал. Те книги, которые вы видели в крипте, по большей части восстановлены им... – Внезапно ее взгляд погас, и она проговорила упавшим голосом: – Но его нет больше среди живых... Он погиб этой зимой, и я слышала, что смерть его была ужасной.

– Мне тоже говорили об этом, – прервал ее Старыгин. – Но теперь, после некоторых событий, я уже ни в чем не уверен.

– Что вы хотите сказать? – девушка удивленно взглянула на странного посетителя. – Разве можно так шутить?

– Я вовсе не шучу! – с излишней горячностью ответил Дмитрий Алексеевич. – Вижу, что вы мне не доверяете, и не обижаюсь, поскольку понимаю, что выгляжу в ваших глазах несерьезно и даже подозрительно. Приходит какой-то тип, начинает расспрашивать... Но у меня нет выхода, я в тупике, понимаете?

– Не понимаю, – серьезно ответила девушка, – но готова выслушать вас, раз дело касается сеньора Мендеса.

«Что у них было с Педро? – внезапно подумал Старыгин. – Ишь, как она вскинулась, когда услышала его имя... Ну, конечно, Педро был истинным кабальеро, имел успех у женщин... Точно ли он был только ее учителем?»

Он тут же рассердился на себя за несвоевременные мысли. Да что с ним, в самом деле, такое?

– Как вас зовут? – спросил он, постаравшись, чтобы в вопросе не прозвучало особой заинтересованности.

– Мария, – ответила она просто. – Мария Сальседо.

Мария! Ну конечно, встрепенулся Старыгин, теперь все правильно. Именно на нее, на эту девушку хотел указать ему Педро! Церковь Святой Марии! Эта Мария – не святая, она обычная женщина, однако с ее помощью Старыгин разгадает загадку Педро. Без помощника ему не обойтись. Девушка здесь работает, она должна многое знать.

– Чему вы улыбаетесь? – спросила она, и янтарные глаза волшебным образом осветили ее лицо.

– Я рад, что встретил вас, – ответил он просто, позабыв о том, что его слова могут иметь двойное значение. – Мы можем поговорить здесь?

– Подождите! – она внезапно сорвалась с места. – Я сейчас найду кое-что!

Она скрылась в глубине мастерской. Оттуда донеслись звуки, какие издает собака, отыскивая спрятанную косточку, затем послышался победный крик, и Мария вернулась к Старыгину, размахивая какой-то фотографией.

– Мне сразу показалось знакомым ваше лицо, – проговорила она. – И я не ошиблась!

Мария положила на рабочий стол цветную фотографию. Самый обычный снимок, сделанный дешевой цифровой камерой, из тех, что называют «мыльницами».

Старыгин прекрасно помнил эту фотографию.

Ее сделал японский коллега, реставратор из Киото. А запечатлены были на ней они с Педро Мендесом на фоне знаменитой севильской башни Хиральды. Старыгин широко улыбался, Педро, как истинный испанец, смотрел в объектив с чопорной сдержанностью.

Дмитрий Алексеевич прекрасно помнил этот день, помнил Севилью, какой ему показал ее Педро. Как недавно и в то же время как давно это было! Кажется, с тех пор прошла целая жизнь. Старыгин был тогда совершенно другим человеком...

– Ведь это вы с сеньором Педро! – воскликнула Мария. – Значит, вы были его другом?!

И тут же она помрачнела, сообразив, что сказала «были», то есть, приняв смерть своего учителя как непреложный факт.

– Да, я был его другом, – подтвердил Старыгин, – и именно с этой дружбой связано мое посещение Ронды... И... нельзя ли попросить стакан воды?

В висках у него внезапно заломило, в ушах зазвенело, словно тысячи колоколов созывали христиан на мессу.

– Вам плохо? – участливо спросила Мария, протягивая ему воду.

– Очевидно, от перехода из жары в прохладное помещение крипты, – непослушными губами проговорил Старыгин. – Мы, северяне, непривычны к вашему солнцу, – он улыбнулся смущенно, и в глазах Марии вспыхнули ответные искорки.

Оттого ли, что он сильно устал, или от обилия впечатлений, реакции на этот ее взгляд со стороны Старыгина не последовало, сердце спокойно продолжало биться.

И он вкратце рассказал ей о странной встрече на конференции в Малаге и о последовавших за ней событиях, результатом которых стало его сегодняшнее появление в Ронде. Не упомянул он только о странном человеке с восточным лицом и о черном джипе, преследовавшем туристский автобус по пути в Ронду. Во-первых, он не хотел пугать девушку, во-вторых, и сам не знал, что за этим стоит и не было ли это простой случайностью.

Мария выслушала его с явным недоверием.

– Вы уверены, что действительно видели в отеле сеньора Педро? – спросила она с сомнением.

– Сейчас я уже ни в чем не уверен, – честно признался Старыгин. – Точнее, я уверен только в одном: в том, что благодаря посланию, содержавшемуся в афише, и чьим-то подсказкам, разбросанным на моем пути, я попал сюда, в эту мастерскую, и встретился с вами. Так что, кто бы ни был этот человек, я ему благодарен.

– Не думаю, что сейчас – самое подходящее время для таких комплиментов, – проговорила Мария, строго взглянув на Старыгина. – Судя по вашему рассказу – если, конечно, ему можно верить, – сеньор Педро жив и нуждается в помощи!

– Я тоже так думаю и именно для этого приехал сюда. Но, чтобы довести начатое до конца, мне нужна ваша помощь. Вы хорошо знали Педро, вы работали с ним, вы прекрасно осведомлены обо всем, что может происходить здесь... – Старыгин обвел руками помещение. – Согласны ли вы объединить наши усилия?

Он постарался, чтобы в голосе его не звучало ни излишней настойчивости, ни личной заинтересованности.

– Конечно, я многим обязана сеньору Педро, – Мария склонила голову набок, как бы раздумывая, и Старыгин невольно залюбовался плавным изгибом ее загорелой шеи. – И если допустить, что он жив, я готова всеми силами помогать вам. Но, честно говоря, ума не приложу, чем я могу быть полезна.

– Я никак не могу разгадать последнюю загадку, – признался Дмитрий Алексеевич. – Что значит – «Третья слева в седьмом»?

– Понятия не имею! – Мария пожала плечами.

– Вы говорили, что Педро работал в этом книгохранилище, что он реставрировал многие книги...

– Да, это так, – подтвердила Мария. – К чему вы клоните?

– Вы работали здесь вместе с ним?

Задавая этот вопрос, Дмитрий Алексеевич на мгновение замялся. Он снова почувствовал легкий укол ревности. Педро был интересным мужчиной, он пользовался постоянным успехом у женщин, а ежедневная работа бок о бок в мастерской могла сблизить его с Марией... Невольная заминка Старыгина не укрылась от глаз девушки. Строго взглянув на собеседника, она проговорила:

– На что вы намекаете? Он был моим учителем... Я обязана ему всем, чего достигла, всем, что умею делать...

– Упаси боже, я ни на что не намекаю! – горячо запротестовал Старыгин, и в самой этой горячности прозвучала фальшь. – Я только хотел спросить: не заметили ли вы какой-нибудь странности в его поведении? Не мог ли он устроить тайник в этой мастерской?

– Нет, – Мария пожала плечами, задумалась. – Разве что... несколько раз я видела, как он выходил из комнаты истопника.

– Откуда? – переспросил Старыгин.

– Здесь, в подвальном помещении, кроме самой крипты и реставрационной мастерской, есть служебное помещение с печью, отапливающей собор. Ведь Ронда расположена высоко, и зимы здесь довольно холодные. Так вот, пару раз я видела, как дон Педро выходил из этой комнаты. Я подумала тогда, что он сжигал в печи ненужные бумаги или испорченные кисти. Однако после вашего рассказа я стала вспоминать, и мне кажется, что у него был тогда какой-то странный вид. Словно я застала его... в неподходящий момент.

– Комната истопника? – повторил Старыгин, задумавшись. – Покажите мне, где она.

Мария переместилась в дальний конец мастерской, зашла за большой дубовый шкаф и сделала Старыгину знак следовать за собой. Там, в самом темном углу подвала, оказалась низкая темная дверь, запертая на железный засов.

– Вот дверь в эту комнату, – проговорила девушка, невольно понизив голос. – Попробуйте отодвинуть засов, мне это не под силу.

Старыгин навалился на засов и не без труда отодвинул его.

– Неужели истопник часто пользуется этой дверью? – проговорил он с сомнением. – Такое впечатление, что ее не открывали много месяцев или даже лет.

– Действительно, вы правы, – подтвердила Мария. – Истопник пользуется другой дверью, у него есть свой вход, с улицы. Эту дверь почти никогда не открывают – ведь в реставрационной мастерской хранятся ценные книги, и церковное руководство не хочет, чтобы истопник ходил через нее. Поэтому я так удивилась, когда увидела Педро выходящим отсюда...

Она толкнула дверь и, наклонившись, прошла в темный проем.

Старыгин последовал за ней.

Пошарив по стене, Мария нашла выключатель, и помещение озарилось тусклым светом.

Они находились в следующей части подвала с таким же сводчатым потолком, как в мастерской. Но само помещение было меньше, а всю стену напротив двери занимала огромная печь, облицованная яркими керамическими изразцами.

– Не знаю, что вы здесь найдете, – проговорила Мария и тут же поправилась: – Не знаю, что мы здесь найдем, но именно отсюда выходил дон Педро.

В комнате, кроме изразцовой печи, были небольшой шаткий стол, пара колченогих стульев и простой дощатый шкаф, в котором истопник, должно быть, хранил свои нехитрые пожитки. Казалось, здесь нет места для каких-то тайников.

Старыгин встал посреди комнаты и огляделся.

Булышную часть комнаты занимала печь, она, несомненно, была здесь самым главным, самым заметным предметом. Изразцы, расписанные яркими желтыми и синими красками, изображали сцены из Святого Писания. Простые наивные рисунки – святое семейство, младенец Иисус в яслях, склонившиеся над ним ослик и вол, поклонение волхвов, бегство в Египет... прямоугольники изразцов запечатлели всю евангельскую историю. Они покрывали печь ровными рядами...

Рядами!

Старыгин бросился к печи. Как было написано ассирийской клинописью на ступеньке? «Третья слева в седьмом»!

Отсчитав седьмой снизу ряд изразцов, Дмитрий Алексеевич нашел третью слева плитку, внимательно осмотрел ее, затем осторожно ощупал руками.

Желто-синий рисунок изразца изображал сцену в Гефсиманском саду. Апостолы безмятежно спят на земле, Иисус в одиночестве молится. Моление о чаше...

Какая-то смутная мысль мелькнула в голове у Старыгина, но он отбросил ее, обратив все свое внимание на изразец.

С первого взгляда он ничем не отличался от соседних. Такая же ровная глазированная поверхность, такой же простой желто-синий рисунок. Вот только, если внимательно приглядеться, эта плитка чуть больше выступает из стены. Может быть, под ней скрыт тайник?

Старыгин достал из кармана складной нож и попытался подковырнуть плитку, но из этого ничего не получилось. Дмитрий Алексеевич нажал на плитку ладонью, примериваясь для новой попытки...

И вдруг за его спиной раздался удивленный возглас.

– Смотрите! – воскликнула Мария, коснувшись его плеча.

Старыгин оглянулся и увидел, что часть стены напротив печи отъехала в сторону, открыв темный проем, за которым виднелась уходящая вниз лестница. Видимо, нажав на нужную плитку, он привел в действие потайной механизм.

– Вот он – тайник, к которому привел меня Педро! – воскликнул Старыгин, заглядывая в темноту.

– Значит, сеньор Педро действительно жив! – с сияющим лицом проговорила Мария. – А я не верила вам!

– Не будем торопиться с выводами, – осторожно ответил Старыгин. – Знаю одно: я нашел тайник и должен его обследовать.

– Вы? – недовольно перебила его Мария. – Мы нашли его вместе и вместе пойдем дальше!

– Об этом не может быть и речи! – воскликнул Старыгин. – Я не позволю вам так рисковать!

– О каком риске вы говорите? – Мария удивленно взглянула на реставратора. – Этим тайником никто не интересовался... или вы не все мне рассказали?

Старыгин промолчал, и Мария добавила, развивая успех:

– В конце концов, вы вообще не имеете права голоса! Я здесь – полноправный сотрудник, а вы – никто, посторонний человек. Если на то пошло, я вообще не имела права пускать вас в мастерскую...

– Ну ладно, – смирился Старыгин. – Пойдем вместе. Кстати, у вас есть фонарь?

– Найдем! – оживилась Мария и через минуту принесла из мастерской удобный и сильный аккумуляторный фонарик.

Старыгин включил его, шагнул вперед и начал спускаться по каменной лестнице.

Из подземелья потянуло сыростью и холодом. И еще Дмитрию Алексеевичу показалось, что оттуда тянет глубокой, мрачной древностью. Он невольно почувствовал трепет и робость перед тем, что таилось в этой глубине. Пожалуй, окажись он тут один, он повернул бы назад. Но показать свою слабость перед Марией было невозможно, и он продолжил спуск.

– Наверное, это подземелье осталось еще от мавританских времен, – проговорила за его спиной Мария. – С тех пор, когда на месте нынешнего Кафедрального собора стояла мусульманская мечеть. Я слышала легенду, что в подвалах под этой мечетью хранились сокровища мавританских королей.

Немного помолчав, она добавила куда менее жизнерадостным тоном:

– И в этих же подвалах содержали пленных христиан, за которых не заплатили выкуп. Некоторые из них так и умерли в этом подземелье, не увидев солнечного света...

– Я предпочитаю найти мавританские сокровища, а не призраки умерших здесь узников! – бодро проговорил Старыгин.

Он хотел пошутить, но в мрачной атмосфере подземелья его шутка прозвучала как-то неубедительно.

Они спускались так долго, что Старыгин подумал уже, что скоро они окажутся на самом дне разделяющего Ронду ущелья. Однако всему приходит конец: закончилась и крутая каменная лестница. Она завершилась круглой площадкой, от которой во тьму вел прямой ровный коридор.

– Идем вперед! – сказал Старыгин, посветив перед собой фонариком. – Не зря же мы так долго спускались!

Они прошли по коридору не больше двадцати метров и уткнулись в глухую каменную стену.

– Вот те раз! – пробормотал Дмитрий Алексеевич, осветив преграду фонарем. – Стоило ли ради этого спускаться на такую глубину? Это время можно было потратить с большей пользой...

– Вы уверены, что это тупик? – спросила, поравнявшись с ним, Мария.

– Если вы видите дорогу – милости прошу! – ответил Старыгин, посторонившись. За этой нарочитой грубостью он попытался скрыть свое разочарование.

Мария подошла вплотную к стене, взяла из рук Старыгина фонарь и принялась осматривать ее кладку в его свете.

– Арабская кладка, – проговорила она задумчиво. – Я видела точно такую же каменную кладку в старинных постройках мавританской части Ронды.

– Ценное замечание! – съязвил Старыгин. – Разумеется, если мы находимся в древних подземельях под разрушенной мечетью, кладка будет арабской.

– Вот и не факт! – отрезала Мария. – Здесь много более древних построек, оставшихся еще от римлян, так что мы могли столкнуться и с римским типом каменной кладки.

– Но что это нам дает? – уныло проговорил Дмитрий. – Римская или мавританская, но эта стена преградила нам дорогу, и нам ничего не остается, кроме как повернуть назад...

– Пойдите-ка... – Мария пристально вглядывалась в какой-то камень. – А что вы думаете вот об этом?

Старыгин взглянул туда же, и в ярком голубоватом свете фонаря разглядел нацарапанные на сером камне буквы – все те же латинские буквы N и B.

– Nota bene! – воскликнул он с энтузиазмом. – «Обрати внимание»! Педро, или тот, кто выдает себя за него, уже несколько раз оставлял мне эту надпись в узловых точках маршрута. Значит, мы на правильном пути и не нужно с него сворачивать!

– Да, но как нам преодолеть эту чертову стену?! – проговорила Мария и в сердцах ударила по ней кулаком.

– Если Педро оставил на камне свой значок, значит, нужно внимательно осмотреть этот камень и все соседние, – и Старыгин рассказал девушке, как нашел на каменной лестнице надпись, сделанную ассирийской клинописью.

На первый взгляд, тут не было ничего необычного – обычный камень, вмурованный в стену. Старыгин попробовал нажать на него – никакой реакции, камень держался крепко. Он нажал сбоку, снизу, сверху, справа, слева – ничего. В сердцах он пнул равнодушный камень ногой, но только ушиб палец и чертыхнулся. В глазах Марии плясали насмешливые чертики, возможно, это были просто отсветы фонаря, но Старыгин обиделся. Откуда он знает, что нужно сделать с проклятым камнем, чтобы преодолеть эту чертову стену? И вообще, он устал и хочет есть, у него с утра маковой росинки во рту не было. Конференция закончилась, и самое время возвращаться домой в Петербург, где ждет любимая работа. А бродить по сырым подземельям, пусть даже в обществе прекрасной сеньориты, – это хорошо для юных романтиков, но никак не для него – солидного мужчины средних лет. Вон, уже седина на висках прочно утвердилась, а ему все нейдет!

Тут Дмитрий Алексеевич осознал, что он просто-напросто брюзжит, словно ему не сорок лет, а все сто, и устыдился. Педро Гарсия Мендес доверился ему, просил о помощи, а он... А вот, кстати, вопрос: отчего Педро выбрал именно его? Они не виделись... дай бог памяти, пять лет, когда провели чудные несколько дней в Севилье, и с тех пор только время от времени переписывались по электронной почте. Так и то – почти год Старыгин не имел от Педро вестей, закрутился как-то и знать не знал, что Педро нет в живых. Поэтому он нисколько не удивился их встрече на конференции. И хоть все, включая полицию, и уверяли его, что Педро Гарсия Мендес погиб в горах ужасной смертью, Старыгин все же сомневался в своей способности общаться с выходцами из потустороннего мира. Он решил пока оставить этот вопрос открытым.

Так все же, для чего Педро выбрал его? Старыгин находится в чужой стране, плохо знает испанский. От Марии, к примеру, гораздо больше пользы. Девушка все тут знает, она умна и смела – не побоялась идти в подземелье. Для того ли и был нужен Старыгин, что Марии не обойтись без мужской силы?

Ну, не надо себя переоценивать, тут же усмехнулся Дмитрий Алексеевич. Конечно, он не инвалид и не дистрофик, однако и не богатырь. Он силен другим.

– Отойдите в сторонку, – отрывисто сказал он Марии.

– Вам посветить? – от удивления она не нашлась что ответить, надо полагать, мужчины никогда не разговаривали с ней таким тоном.

– Не надо, только не мешайте.

Старыгин уже не сомневался, что, как ни рассматривай злосчастный камень, хоть под лупой, ничего в нем не найдешь. Он закрыл глаза и призвал на помощь свою знаменитую интуицию реставратора. Именно она помогала ему под жуткой мазней распознать шедевр, именно она подсказывала, что нужно сделать, чтобы старый, протертый до дыр холст был полностью восстановлен и превратился в подлинное украшение любой музейной коллекции.

Когда вступала в дело интуиция, голова была полностью свободна, он доверялся своим рукам.

Старыгин закрыл глаза и еще раз ощупал камень. Теперь он не пытался нажать на него или повернуть, он просто тщательно исследовал поверхность подушечками пальцев. Камень был шершавый... камень был мертвый. Конечно, если можно так выразиться. Старыгин подразумевал, что камня не касались человеческие руки.

Такие вещи он всегда знал точно. Взяв в руки любую картину, он безошибочно чувствовал, сколько труда и таланта вложил мастер в свое время в ее изготовление. Старыгин никогда не ошибался, эта способность очень помогала в его работе.

Сейчас он абсолютно точно понял, что *этот* камень не поможет ему преодолеть каменную стену, а Педро отметил его просто так, чтобы замести следы. Он сильно рассчитывал на старыгинскую интуицию, он хорошо о ней знал и восхищался ею.

Старыгин начал делать руками круговые движения над камнем, он не хотел попусту трогать холодную стену, чтобы пальцы не потеряли чувствительность.

– Слушайте, что вы там делаете? – недовольно спросила Мария. – Пытаетесь разрушить эту чертову стену наложением рук, как Господь наш Всемогуший?

– Не кощунствуйте, – не оборачиваясь, прошипел Дмитрий Алексеевич, – лучше помолчите.

Когда Старыгин погружался в работу, он терпеть не мог, чтобы ему мешали, дергали по пустякам и задавали дурацкие вопросы. Оттого, надо думать, он и не женился, что слишком любил свою работу. Какая женщина потерпит, чтобы главное место в сердце любимого мужчины занимала не она, а работа? Встречаются такие, но редко, во всяком случае, Дмитрию Старыгину подобные женщины не попадались. Возможно, он плохо искал, а если честно, то и не хотел искать.

Мария была истинной женщиной, то есть она тут же обиделась на такое невежливое обращение и затихла в углу. Однако Старыгин не обратил на это внимания, а ей было скучно, поэтому она тихонько подошла ближе, спрятав фонарь за спину.

Старыгин понемногу расширял круги, так что ему приходилось то приседать, то вытягиваться вверх вдоль стены. Мария не удержалась и фыркнула. Он дернул головой, словно отмахнулся от назойливой мухи, и продолжал свои действия.

Не получалось.

– Вы можете хоть полминуты вести себя прилично? – свирепо прошептал он. – Не вертеться, не чихать, не кашлять и не фыркать! Просто помолчать!

«Ну, все! – янтарные глаза вспыхнули в темноте грозным огнем, как у рассерженной тигрицы. – Такого я никогда никому не прощу!»

Мария крепко сжала губы, но Старыгин этого снова не заметил. Он закрыл глаза и постарался расслабиться. Вот он идет теплым летним вечером по сосновому лесу. Под ногами скрипит белый сухой мох, заходящее солнце освещает сбоку стволы сосен, они кажутся золотисто-розовыми. Дмитрий Алексеевич улыбнулся с закрытыми глазами, ощутив ни с чем не сравнимый запах нагретой сосновой коры.

И вот он почувствовал легкое покалывание в кончиках пальцев левой руки. Не веря себе, стараясь не спугнуть это ощущение, он прикоснулся пальцами к ближайшему камню в стене. Ощущение стало сильнее, тогда он сместил пальцы еще ниже. И у выщербленных плит пола он почувствовал, что – есть. Вот оно! Он на правильном пути!

Этот камень был гладким, Старыгин сразу же понял, что его касались совсем недавно, он даже ощутил тепло человеческих рук, что было явным преувеличением – как бы там ни обстояло дело со смертью Педро, здесь, в этом подземелье, он точно не появлялся несколько месяцев.

Дмитрий присел на корточки и схватился за камень: это оказалось просто, он очень удобно лег в руку. Старыгин легко повернул камень вокруг своей оси по часовой стрелке и поднялся.

Ничего не случилось. Стена не обвалилась, как в голливудских блокбастерах, не забил из нее фонтан воды и не полыхнуло огнем. Также не открылась в стене маленькая потайная дверца.

Старыгин снова наклонился и вернул камень на место.

И опять ничего не случилось. Камень поворачивался совершенно легко и бесшумно, как будто не простояла стена лет восемьсот. Не иначе, как Педро в свое время тщательно смазал механизм.

Дмитрий Алексеевич повернул камень против часовой стрелки, и снова ничего не произошло. Тогда он стал беспорядочно крутить его туда-сюда, пока его не остановил язвительный вопрос Марии:

– Слушайте, вам не надоело? Ясно же, что ничего не получится!

«Все они такие, – с обидой подумал запыхавшийся, измазанный пылью Старыгин, – вечно норовят сказать гадость под руку. Эта с лицом юной Мадонны, а туда же... Нет бы поддержать в трудную минуту, сказать, что верит в меня, что все обязательно получится... Так нет же! О, эти женщины!»

В расстройстве он как-то не подумал, что своими замечаниями в процессе работы сам обидел девушку и теперь она старается отплатить ему той же монетой.

Однако не такой был человек Дмитрий Алексеевич, чтобы опускать руки при первой неудаче. Работа реставратора приучила его к терпению и к умению не обращать внимания на досадные мелочи. К тому же он всегда верил в свою интуицию. Он на правильном пути – попасть за стену можно с помощью этого камня. Нужно только выяснить, каким образом его повернуть.

Старыгин отошел от стены и оглядел ее издали в свете фонаря. Потом перевел взгляд на Марию. Девушка смотрела на него спокойно, как видно, ехидничать долго не было ей свойственно.

– Судя по всему, – начал он, – мы имеем здесь, если можно так выразиться, старинный сейфовый замок. Да-да, следует повернуть камень в разные стороны нужное количество раз и...

– Дверь откроется, – подсказала Мария с невинным видом.

– Что-то вроде того. – Старыгин был сама кротость.

– Только нужно знать код, – снова подсказала Мария, – а вы его не знаете...

– Вы тоже, – любезно улыбнулся Старыгин, – так что давайте договоримся прямо сейчас: либо мы возвращаемся в вашу мастерскую, либо попробуем порассуждать, авось и придет в голову умная мысль. Я лично склоняюсь к последнему, неохота возвращаться несолоно хлебавши, это не в моих правилах.

– Я с вами! – Мария улыбнулась открыто и дружелюбно, золотистые искорки заиграли в ее глазах.

Недавняя размолвка была забыта.

– Каким кодом люди обычно закрывают и открывают свои личные сейфы? – спросил Старыгин вслух и сам же ответил: – Самый примитивный случай – год рождения или число, если нужно всего две цифры. Или день рождения сына, к примеру.

– Или любимой собачки... – подсказала Мария. – Но здесь ведь не личный сейф, число поворотов должны были знать хотя бы несколько людей.

– Вот именно! О чем думал человек, смастеривший это устройство? О собственном дне рождения? Вряд ли в двенадцатом веке каждый знал точную дату, хотя календарь был. К тому же, насколько я знаю, у арабов дата рождения не считалась особым праздником, больше внимания обращалось на дату смерти, поскольку считалось, что это рождение к вечной жизни. Какое число знали все – богатый и бедный, простой человек и ученый, воин и купец? Думаю, дату рождения своего главного пророка – Магомета. Но вот беда: я-то ее не знаю...

– Двенадцатое число месяца раби уль-авваль, – незамедлительно последовал ответ Марии, – год, кажется, пятьсот семидесятый. В этом году этот праздник приходился на девятнадцатое марта...

– Умница! – Старыгин едва не прослезился, подскочил к стене и быстро повернул камень – сначала один раз вправо и сразу же – два раза влево.

И тотчас стена пришла в движение. Она заколебалась, а потом плавно пошла вниз, как автоматические ворота гаража, словно была сделана не из отдельных камней, а из чего-то цельного. За импровизированной дверью простирался узкий темный коридор.

– Пошли? – спросила Мария, отважно заноса ногу. Стена к тому времени почти опустилась.

– Пошли, – согласился Старыгин, хотя душу ему сжало нехорошее предчувствие.

Он оглянулся и заметил аккуратно прислоненный к стене коридора толстый железный прут, который наверняка стоял там не просто так. Старыгин готов был поклясться, что этим прутком Педро или тот, кто посещал это таинственное место до них, заклинивал опускающийся кусок стены, уж больно удобно оказалось это сделать. Неизвестно, как поведет себя древняя дверь дальше – вдруг через некоторое время сама поднимется, встанет на прежнее место, и снова проход будет заканчиваться непроходимым тупиком. Очевидно, изнутри опустить кусок стены никак не получится.

Подложив прут под механизм, Старыгин несколько приободрился, выхватил у Марии фонарь и поднял его повыше, чтобы осветить помещение.

– Боже мой! – воскликнула Мария. – Что это?

С двух сторон неширокого прохода были вырублены в скале небольшие ниши, забранные решетками, и такова была их прочность, что решетки были почти нетронуты, только сильно проржавели. Старыгин подошел к ближайшей нише и поднял фонарь. В глубине камеры лежал скелет. Вполне сохранившийся скелет, по которому, надо думать, можно было бы изучать строение человеческого организма, если бы не одно обстоятельство: у скелета не было головы. Впрочем, череп нашелся в другом углу камеры, словно кто-то закинул его туда ради мрачной шутки.

В следующей нише ничего не было, зато напротив, прямо у решетки, сидел еще один скелет. Все кости у него были на месте, так что по нему действительно вполне можно было изучать человеческую анатомию. Соседняя ниша также была пуста, и секция напротив тоже, а дальше нашлось сразу несколько скелетов, сохранившихся не так хорошо, как первые два.

– Вы были правы, – сказал Старыгин, невольно понижая голос, – здесь и вправду в древности была тюрьма, где мавры держали христианских пленников, вот почему тот проход со стеной нельзя открыть изнутри. Мавры боялись, что узники сбегут. Хотя как можно отсюда сбежать, не представляю.

Мария боязливо держалась к нему поближе. Фонарь освещал ниши одну за другой, не все их обитатели сохранились в приличном, если так можно выразиться, виде. Кое-где валялась просто кучка костей, иногда скелеты были прикованы цепями.

– Ужасно! – Мария зябко поежилась. – Тут самое настоящее кладбище!

Старыгин верно понял ее состояние: не следовало бы им нарушать покой мертвых. Однако Педро Мендес для чего-то хотел, чтобы они сюда попали...

Он подхватил Марию под руку и зашагал быстрее. Коридор тянулся вглубь, изредка от него отходили в стороны ответвления, заполненные такими же нишами.

«Просто рavelин Петропавловской крепости!» – раздраженно подумал Старыгин.

Вскоре коридор расширился, перешел в просторный зал, где сохранились грубо вырубленные подобыя каменного стола и скамьи. На полу валялись несколько скелетов, тускло блистали доспехи.

Старыгин поднял кривой клинок, изъеденный ржавчиной, другой меч лежал рядом, без рукоятки.

– Это тюремщики, – сообразил он, кивая на кучу скелетов, потом прошел вперед, – так вот в чем дело...

Широкий когда-то проход, через который, надо полагать, входили и выходили стражники подземной тюрьмы и вводили узников, оказался завален камнями.

– Очевидно, это единственный выход, – сказала Мария. – Случился обвал, а изнутри они тот проход открыть никак не могли.

– Испанцы захватили Ронду, люди, знавшие, как пройти в тюрьму, погибли или сбежали, и узники вместе со стражей умерли тут от голода... Но мы-то что тут делаем?

– Что это? – проговорила вдруг Мария, настороженно прислушиваясь к тишине подземелья.

– Вы что-то слышали? – удивленно спросил Старыгин. – Кроме нас с вами, здесь есть только эти несчастные, а они давно уже молчат... – Он окинул взглядом скелеты узников.

– Помолчите и вы! – оборвала его девушка, подняв палец. – Неужели и теперь не слышите?

Старыгин прислушался, и на этот раз он тоже уловил какие-то странные звуки, доносившиеся с той стороны, откуда они только что пришли. Он не мог понять природу этих звуков, тем более что подземелье рождало гулкое и странное эхо, искажавшее любой звук. Однако в этом загадочном шуме было что-то зловещее.

– Он приближается! – испуганно прошептала Мария и схватила Старыгина за руку.

Таинственный шум действительно приближался, и теперь уже можно было отчетливо слышать звуки тяжелых шагов, от которых сотрясалась почва, и еще какой-то низкий, роко-чуший звук, напоминающий отдаленную грозу.

– Господи, что это?! – воскликнул Дмитрий Алексеевич, вглядываясь в темноту.

В конце прямого туннеля, предшествующего подземной тюрьме, показались два зеленых огня. Они приближались с угрожающей быстротой, и теперь было уже отчетливо слышно глухое грозное рычание, хриплое дыхание и тяжелые прыжки неизвестного создания. Старыгин направил в его сторону свет фонаря, но в этом свете только ярче засверкали зеленые глаза чудовища, разглядеть же его не удалось.

– Что это?! – повторила Мария, вцепившись в руку своего спутника. – Это какой-то зверь?

– Да уж точно – не человек! – выкрикнул Старыгин, бросаясь наутек и волоча за собой трясущуюся от страха Марию. – Бежим, пока не поздно!

– От него не убежишь! – пробормотала девушка, но тем не менее припустила изо всех сил. – Да что же это такое?! Это какое-то исчадие ада! Такого просто не бывает! Разбудите меня! Я, наверное, сплю!..

Старыгин не ответил, он берег дыхание и силы. Они свернули в боковой проход, забран-ных решетками камер тут не было, скелеты валялись прямо на полу.

– Нам не уйти! – задыхаясь, сказала Мария.

Она была права – жуткое чудовище явно нагоняло беглецов, их разделяли теперь лишь несколько метров.

– Бегите вперед! – крикнул Старыгин, выпустив руку Марии, и повернулся навстречу приближающемуся ужасу.

Теперь расстояние между ними настолько сократилось, что в свете фонаря Дмитрий Алексеевич смог разглядеть это кошмарное порождение тьмы.

Впрочем, это ничего ему не дало. Он увидел только круглые, светящиеся злобным зеленым огнем глаза, огромную распахнутую пасть с торчащими из нее кривыми желтыми клыками...

Еще одна секунда, еще один прыжок – и все будет кончено, страшные клыки сомкнутся на горле Старыгина...

– Бегите! – раздался у него за спиной взволнованный голос Марии.

Слишком близко... она слишком близко, и чудовище нагонит ее, расправившись со Старыгиным...

Он не думал – на это просто не было времени. Включились какие-то древние, первобытные инстинкты, сохранившиеся еще с тех давних пор, когда отдаленные предки Старыгина, вооруженные каменным топором или примитивным копьем, охотились на диких зверей или защищали от них себя и свою семью.

Старыгин схватил один из истлевших скелетов – останки несчастного узника подземной тюрьмы – и швырнул их в морду своего жуткого преследователя.

Ужасное создание грозно зарычало, прижало скелет к полу пещеры тяжелой когтистой лапой и склонилось над ним. Послышался леденящий душу хруст костей – чудовище одним движением челюстей разгрызло позвоночник мертвеца...

Воспользовавшись секундной заминкой монстра, Старыгин развернулся и бросился прочь, вслед за Марией.

Она не убежала далеко и поджидала его в нескольких метрах от подземной тюрьмы, там, где подземелье сужалось, переходя в новый коридор.

– Бегите! – выдохнул Старыгин, поравнявшись с девушкой. – Я постараюсь его задержать!

– Бесполезно! – отмахнулась Мария. – Смотрите, может быть, мы сможем опустить эту решетку!

Действительно, в том месте, где заканчивалась средневековая тюрьма, под потолком подземелья была закреплена древняя заржавленная решетка. Старыгин подпрыгнул, ухватился за прутья и повис на них. В первый момент решетка не поддавалась, ее механизм заржавел за многие столетия, но Старыгин раскачался, стараясь сдвинуть ее с места. Под его весом решетка со страшным скрипом поддалась и вдруг поехала вниз по каменным направляющим. Старыгин едва успел спрыгнуть и откатиться назад, к Марии. Решетка обрушилась вниз и с тяжелым лязгом заперла выход из тюрьмы.

Буквально в ту же секунду жуткое создание, успевшее расправиться с останками несчастного узника, устремилось вперед и с размаху налетело на железную решетку.

От этого удара, казалось, вздрогнула сама земля, но средневековая решетка устояла.

– На совесть делали мавры! – восхитился Старыгин. – Умели работать!

Чудовище бесновалось по ту сторону решетки, бросалось на нее всем своим весом, грызло толстые прутья страшными зубами.

Старыгин попытался рассмотреть его. Узкий луч фонаря не позволял разглядеть существо целиком – он выхватывал из мрака то одну, то другую часть монстра.

Старыгин увидел мощное, гибкое тело хищника, огромную круглую голову, зубастую пасть... Все это больше напоминало порождение ночного кошмара, чем живое существо.

– Что же это такое? – прошептала Мария, как завороченная разглядывая беснующегося за решеткой зверя. – Это существо обитает здесь, под землей?

– Не думаю, – с сомнением отозвался Старыгин. – Наверняка всему этому есть какое-то разумное объяснение.

– Интересно, долго ли выдержит решетка такой напор? – пробормотала Мария, невольно вздрогнув.

Действительно: страшное создание раз за разом бросалось на железные прутья всем своим весом, и казалось, что перед его силищей никакая преграда долго не устоит.

– Лучше бы нам находиться в другом месте, когда это произойдет! – проговорил Старыгин и зашагал по коридору прочь от подземной тюрьмы и ее страшного обитателя.

– А как мы потом отсюда выйдем? – осведомилась Мария, нагоняя его.

– Давайте решать вопросы по мере их поступления, – отмахнулся Старыгин. – Создатели подземелья должны были предусмотреть запасной выход...

– Тогда бы все эти люди не умерли тут от голода...

Старыгин понял, что сморозил глупость.

– В крайнем случае мы подождем, а потом вернемся к решетке и через подземную тюрьму проберемся к тому проходу. Не вечно же этот монстр будет ее стеречь! Вы же не думаете, что это – мифический подземный страж подземелья!

– Я уж не знаю, что и думать, – испуганно проговорила девушка, – но, кажется, это не призрак, а чудовище из плоти и крови, то есть ему надо чем-то питаться, а тут, кроме скелетов, нет ничего... Может быть, оттого он на нас так и набросился?

Старыгину и самому приходила в голову эта мысль, но он постарался ее прогнать.

Они молча шли несколько минут.

Позади время от времени раздавались глухие тяжелые удары – чудовище все еще бросалось на решетку, надеясь раньше или позже сокрушить ее.

Вскоре коридор свернул налево, а затем перешел в каменную лестницу, спускавшуюся еще ниже, в самые глубины подземелья.

– Не нравится мне все это... – проговорила Мария, взглянув в глубину коридора.

– А еще больше мне не нравится упорство нашего зубастого друга! – ответил Старыгин и решительно зашагал вперед.

Мария признала его довод убедительным и двинулась следом.

Свет фонаря едва разгонял глубокий мрак, освещая ступени. К счастью, лестница оказалась не очень длинной и снова перешла в прямой коридор. Он был ниже и уже прежних тоннелей. По стенам его стекали темные капли, собираясь на полу в небольшие лужицы.

– Что это за странный запах? – Мария дотронулась до плеча Старыгина.

Дмитрий Алексеевич замедлил шаги, дотронулся до влажной стены и удивленно проговорил:

– Это нефть! Подземелье проходит через нефтеносный слой, и нефть буквально сочится из стен!

– Вот обрадуются городские власти! – усмехнулась Мария. – Если, конечно, они об этом узнают...

– Не волнуйтесь, мы скоро выберемся, – поспешил успокоить ее Старыгин.

Девушка в ответ промолчала.

Неожиданно коридор расширился, и Старыгин с Марией оказались в круглой пещере, свод которой уходил во мрак. Кое-где этот свод подпирали толстые деревянные опоры. В стороне от входа на полу темнела обширная нефтяная лужа.

– Что это? – прошептала Мария, показывая на бесформенную темную грудку в углу помещения.

Старыгин направил туда свет фонаря, и они разглядели еще один скелет, точнее – самую настоящую мумию, у которой сохранились еще высохшие ткани тела и даже лица. Иссохшее лицо сложилось в чудовищную, уродливую улыбку, словно мертвец, перешагнув границу жизни и смерти, узнал по ту ее сторону что-то удивительно смешное и теперь издевается над живыми.

– Господи! – вскрикнула Мария, разглядев оскал мертвеца. – Это еще один узник мавританской тюрьмы?

– Не думаю, – тихо отозвался Старыгин. – Этот труп пролежал здесь гораздо меньше, судя по состоянию его тканей... а также по остаткам одежды!

Действительно, на мертвеце была еще полуистлевшая одежда – матерчатая куртка, клетчатая рубашка и джинсы.

– Скорее всего, этот человек проник в подземелье, как и мы, в поисках хранящейся здесь тайны, и здесь нашел свою смерть. Судя по одежде, это случилось не больше сорока лет назад... примерно тогда в Европе появились первые джинсы...

– Спасибо за очень уместную лекцию! – огрызнулась Мария. – Нас вполне может ожидать такой же конец!

– Ну, зачем же смотреть в будущее так мрачно... – ответил Старыгин, но в голосе его не было прежней уверенности.

Он постепенно осматривал всю пещеру, освещая ее лучом фонаря, и вдруг издал удивленный возглас:

– Вы видите это?!

– Что вы там нашли? – проворчала Мария. – Еще один труп?

– Нет, что-то куда более интересное! Посмотрите сюда...

Он направил луч фонаря в глубокую нишу, выдолбленную рукой человека или силами природы в стене пещеры.

Свод этой ниши поддерживали несколько опор. Но не это привлекло внимание реставратора.

Посреди ниши, на небольшом каменном возвышении, как на алтаре, лежала книга.

С первого взгляда было ясно, что этой книге много веков. В твердой обложке из тисненой кожи, с коваными золотыми застежками, с арабской вязью на обложке, книга покоилась на каменном алтаре, словно ожидая своих читателей.

– Вот ради чего Педро вел нас сюда, рассыпав по всей Андалусии зашифрованные указания! – взволнованно проговорил Дмитрий Алексеевич, осторожно открывая книгу.

Пергаментные листы были покрыты бегущей справа налево изящной вязью арабских букв. Текст был написан от руки, и тушь, которой пользовался средневековый писец, до сих пор прекрасно сохранилась. Кое-где страницы украшали затейливые цветные узоры – не изображения людей и животных, птиц и цветов, как в христианской книге, а сложный, тщательно выписанный орнамент.

– Какая жалость, что я не читаю по-арабски! – вздохнул Старыгин, бережно проводя рукой по странице. – Конечно, мы найдем специалиста, но как хотелось бы уже сейчас понять, что это за книга! Ведь Педро повидал в своей жизни множество редчайших манускриптов, и ни одному из них он не придавал такого значения, как этой книге! Наверняка это какой-то очень важный трактат...

– Вам не придется долго искать специалиста, – отозвалась Мария, разглядывая книгу. – Я довольно хорошо читаю по-арабски. Ведь в Андалусии вся история, вся культура страны тесно связана с маврами, и невозможно заниматься изучением и реставрацией старинных книг, не владея хоть в какой-то степени арабским языком!

– Замечательно! – воскликнул Старыгин. – Может быть, вы попробуете прочесть и перевести хотя бы несколько страниц, чтобы понять, что это за манускрипт...

– Вы считаете, сейчас подходящее время для чтения? – спросила Мария. – Вместо того чтобы срочно искать выход...

– Передохнем немного, – Старыгин умоляюще улыбнулся, – а потом, со свежими силами...

Дмитрий Алексеевич малость покривил душой, изображая усталость. То есть он, конечно, утомился, бегая по подземным коридорам, но не настолько, чтобы упасть без сил. Просто ему очень хотелось узнать, что же такое написано в книге, к которой Педро Гарсия Мендес подводил его таким сложным путем.

– Первых страниц нет, – проговорила Мария, внимательно разглядывая книгу. – Видимо, они утрачены за прошедшие века. Текст начинается буквально с половины фразы.

– *«...где на лошадях, а где и пешком. Пройдя от той реки два дня по степи, начали мы страдать без воды, и громкие жалобы наши огласили окрестности. И тут, по неизреченной мудрости Аллаха, оказывающего свои милости кому захочет из рабов своих, встретили мы кочующих по степи куманов. Куманы – суть исконные жители тех пустынных краев, иначе называемые кыпчаки, отчего и вся эта обширная местность носит имя Дешт-и-Кыпчак...»*

– Дешт-и-Кыпчак! – воскликнул Старыгин. – Половецкая степь! А куманы и кыпчаки – это другие названия кочевого племени, которое русские называли половцами...

– Вы так обрадовались, словно обнаружили выход из этого подземелья! – проговорила Мария.

– Но это действительно очень важная находка, – смущенно ответил Старыгин. – Должно быть, это записки какого-то арабского путешественника, посетившего степи Южной Руси и Северного Причерноморья в одиннадцатом или двенадцатом веке. Эта книга может пролить свет на взаимоотношения русских князей и половцев...

– Лучше бы она пролила свет на эти подземные лабиринты! – прервала его Мария. – Скоро аккумулятор фонаря разрядится, и мы останемся в полной темноте!

– Пока этого не случилось, прочтите еще немного! – попросил Дмитрий Алексеевич. – А я тем временем подумаю, как выбраться из этой подземной тюрьмы.

Мария пожала плечами и продолжила читать, переводя текст с арабского:

– *«Увидев кибитки куманов, или кыпчаков, мы невольно пришли в изумление и вознесли молитву Аллаху, который в неизреченной мудрости своей создал людей столь разнообраз-*

ными. Я повидал много земель, много стран, за что люди прозвали меня джаувала, то есть – неутомимый путешественник, и в каждой земле, где побывал, оставил я часть своей бессмертной души, хотя один Аллах властен над нею. В этих странствиях провел я многие и многие годы, но по-прежнему не перестаю удивляться безграничной мудрости Аллаха и удивительной красоте и многообразию его творений.

Прежде еще, чем показались перед нами их кочевые кибитки, слышали мы громкое мычание быков, ржание коней, блеяние бесчисленных овец и столь же громкий скрип тележных осей. Кроме того, к самому небу поднимались многочисленные дымы, как будто в степи рядом с нами появился многолюдный город. Потом уже над высокой пожухлой травой показались развевающиеся на ветру знамена куманских всадников. Знамена эти, или бунчуки, являют собой конские или волчьи хвосты, укрепленные на кончиках длинных пик. После тех бунчуков показались над травой верхушки юрт, высоких, как настоящие дома.

Куманы, в отличие от прочих кочевых народов, не разбирают свои юрты при переездах. Их юрты стоят на удивительно больших деревянных повозках, каждую из которых волокут по степи более двадцати быков. Ширина этих повозок составляет более десяти локтей. Когда движется род куманов, кажется, что по степи едет целый городок. Если же кочует большой род, или орда – можно подумать, что едет огромный город. Куманские всадники гарнируют вокруг повозок на своих лошадях, а их жены тем временем в юртах готовят обед или шьют одежду, словно и не путешествуют по степи, а спокойно живут на одном месте. Там, где прошел род куманов, степь укатана колесами повозок и вытоптана копытами бесчисленных коней и овец. Потому куманы кочуют по разным местам, возвращаясь на то же место только через десять лет, когда там заново нарастет трава, давая прокорм их скоту.

Следует сказать немного и о верованиях куманов, или кыпчаков. Перед ними еще не открылся свет истинной веры. Хотя они и слышали о несказанном величии Аллаха и мудрости Мухаммеда, они до сих пор глухи к словам Истины. Большая часть кыпчаков, как и русы, поклоняется пророку Исе, которого они называют Иисусом. Оттого часто их цари рождаются с князьями русов. Цари кыпчаков выдают своих дочерей за княжеских сыновей, и если в том приходит нужда, спешают на помощь новому родичу со своей конницей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.